

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2012

Содержание

1. ПОЛЯКИ — СИЛЬНЫЕ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. КАТОЛИКИ И ПРАВОСЛАВНЫЕ: НАЧАЛО ДОЛГОЖДАННОГО ДИАЛОГА
4. ПРЕОДОЛЕТЬ ИНЕРЦИЮ ВРАЖДЕБНОСТИ
5. УРОК СМирЕНИЯ
6. ПРЕДИСЛОВИЕ
7. ЛИТВА И ВИЛЬНЮС, МИЛОШ И ВЕНЦЛОВА: ПОЛИЛОГ
8. ЯЦЕК КУРОНЬ И ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОЕ ПРИМИРЕНИЕ
9. СОЛНЕЧНОЕ ПЯТНО
10. ЧЕХОВ И ЛЮДИ ВАЛЬТОСЯ
11. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
12. ПАМЯТИ ЭРВИНА АКСЕРА
13. ЧЕРТА ПОД МИНУВШИМ СТОЛЕТИЕМ
14. ИЗ ПАМЯТИ
15. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
16. ЛЕШЕК КОЛАКОВСКИЙ: НАБРОСОК К ПОРТРЕТУ
17. БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

ПОЛЯКИ — СИЛЬНЫЕ

— Вы, польский еврей, влиятельный юрист и знаменитость, вкладываете деньги в элитарный театр в Варшаве. Зачем?

— Я считаю, что надо поддерживать польское элитарное искусство. Нельзя допустить положения, когда окончательно сотрутся границы между высокой и массовой культурой. Массовая необходима, но высокая тоже должна существовать — для элиты, которая обязана обогащать себя и других.

— Роль мецената — это нечто новое в вашем образе салонного льва.

— Да какие в Польше салоны! Я бывал у несколько нуворишей, но это никакие не салоны. И никогда не встречал на мероприятиях, полных знаменитостей, ни одной мадам де Монтеспан. Я себя вижу между миром художественным и рациональным, научным. Думаю, это прекрасное сочетание. Чехов был врачом, Томас Элиот — банковским служащим. Они очень это в себе ценили, как и я ценю то, что зарабатываю большие деньги в юридической конторе, и время, которое могу посвятить саморазвитию в других областях, например в писательстве.

— Вы пишете эссе о театре. По вашему мнению, польский театр сейчас в порядке?

— Я считаю, что это одна из важнейших ценностей, которые Польша дает миру. И уже давно. Определенно, одним из лучших посланников польского театра был Гротовский, с которым я имел удовольствие и честь подружиться, когда работал над диссертацией в Нью-Йорке. Мы провели вместе всего две недели, но очень интенсивно общались. Я водил его по городу. Это одно из моих самых сильных впечатлений. Сейчас я член репертуарного совета «Нового театра» Варликовского. Я очень много сил отдаю польскому театру.

— Почему вы решили выпускать именно «Копенгаген», пьесу о встрече ученых, Вернера Гейзенберга и Нильса Бора, в 1941 г., которые тогда беседовали о работе над атомной бомбой?

— Я существую на свете как еврей. Конечно, при этом я отец, брат, кузен, юрист, но для самого меня мое бытие в этом мире основано на бытии евреем. Это важная причина, по которой я

чувствую, что хорошо было бы поставить в Варшаве «Копенгаген», произведение о загадке, которая оказалась одним из важнейших факторов, влияющих сейчас на судьбы мира.

В результате встречи Гейзенберга с еврейским физиком Бором возникла бомба, которая сегодня способна вызвать уничтожение человечества. Мы неожиданно можем оказаться перед лицом первой ядерной войны. Это реальная угроза.

— И ваше заинтересованное внимание к этому факту объясняется тем, что вы еврей, живущий в Польше?

— Да, и тем, что произошло в Польше. Уничтожение евреев и привело к тому, что эти ученые решились на такой акт морального отчаяния, каким было создание бомбы массового уничтожения, то есть чего-то, что может принести самое большое зло. Их целью было одоление другого зла — ими владела мысль о концлагерях. Драматичнее всего то, что они как великие ученые точно знали, что делают. Сознательно решили выпустить из своей лаборатории монстра.

— Начало существования этого монстра — Польша?

— Да, а точнее — зло, которое здесь творилось во время Второй Мировой войны. Результат деятельности Бора таков, что сегодня Израиль для самозащиты может быть вынужден прибегнуть к страшной силе. Мощность бомбы, сброшенной на Хиросиму, — 20 килотонн, а сегодня нет бомбы слабее двадцати мегатонн. Один только маленький Израиль имеет несколько сотен бомб, каждая из которых обладает силой тысячи Хиросим.

— Но я все же не понимаю, почему именно об этом вы хотите говорить польской публике, почему в качестве первого спектакля, который вы финансируете, избран «Копенгаген».

— Я хотел пробудить бдительность поляков. Добиться того, чтобы они в большей мере отдали себе отчет о своем месте в мире. По-моему, полякам кажется, что они оказались на обочине истории. А это не так. Нельзя думать, что вот он внезапно возник — дивный новый мир, что прошлое уже на нас не оказывает влияния. Мне хочется, чтобы поляки в большей мере отдавали себе отчет в том, что их сформировало. Почему они такие, а не другие.

— А каковы они, по вашему мнению?

— Очень сильные. В конце концов, это народ, который из морального праха восставал дважды — после войны и после коммунизма. Дело не только в опыте, но и в самом факте, что они живут в стране с такой историей. Достаточно быть свидетелем чего-то страшного или быть частью трудной истории — и это в определенном смысле действует, словно ты сам был участником. Когда видишь, как люди горят, выпрыгивают из окон и ничего нельзя сделать, — сама эта ситуация влечет за собою утрату части твоей собственной человечности. Польша была вынуждена наблюдать самые отвратительные вещи в истории. Но выдержала, и из этого выросла ее сила. Я, человек бизнеса, еврей, чужой, об этом и хочу говорить. Хочу убедить, что опыт учит, если говорить о нем правильно.

— **А почему вы об этом хотите говорить только элите? На первые представления «Копенгагена» можно будет попасть лишь по приглашениям.**

— Я зову к этой дискуссии только элиту, потому что польская интеллигенция, на мой взгляд, исключительное явление на фоне Европы, да и всего мира, она бесконечно романтична, нерациональна.

— **Откуда такое суждение?**

— Просто это так и есть, так сформировала поляков история. В XVI–XVII вв. здесь прошла очень успешная контрреформация. Каждый из общественных слоев стал наполнять только один народ. Была польская шляхта, польские крестьяне и буржуазия — еврейская, немецкая, армянская, с небольшой примесью поляков. Так получилось, что польская интеллигенция (это уникально в мире) могла формироваться только из обедневшей шляхты. Потому что в этом классе доминируют шляхетские, а не буржуазные ценности.

Вдобавок во время войны буржуазная, рациональная часть Польши практически исчезала, потому что исчез средний класс. Такой характер элиты запечатлен польской литературой. До XXI в. в Польше нет ни одного мыслителя, который одновременно был бы деловым человеком, мыслил бы рационально. Нет рассудочных мыслителей, как у Манна.

— **А Вокульский?**

— Он как Анна Каренина — прыгает под поезд, потому что влюбился в какую-то кретинку. Заглоба — безответственный гуляка, врун, ненавидит книги, пьяница. Юдым — мечтатель.

Нет даже такого мыслителя, как Гамлет, — Кордиан просто мистик.

— Это плохо?

— Хорошо, когда в обществе существуют две системы характеров — рационализм, но также и романтизм, который означает склонность к великим поступкам, вызванным памятью об истории. Рационально мыслящей интеллигенции в Польше мало, ее нетрудно вместе собрать, поэтому я и хотел бы набросить на нее сеть. Чтобы сидели в театре и были вынуждены думать о своем месте в мире. Я выпускаю «Копенгаген», чтобы они захотели действовать.

— А как действовать?

— Ставить такие произведения, как «Копенгаген», которые помогают понять механизмы, управляющие историей. Я хотел бы также доказать, что очень важно наличие многих спонсоров в культуре. Чем больше разных людей дает деньги на театр, тем разнообразнее спектакли, которые мы можем смотреть. Я хочу, чтобы давали разные люди.

— И это не каприз богача, а продуманная стратегия?

— Я не купчик, сорящий деньгами. Я хочу, чтобы был создан позитивный механизм. По моему мнению, серьезный театр может столкнуться в Польше с острыми проблемами, если потеряет спонсоров. Поэтому я даю деньги на спектакли, чтобы они не превращались в зрелище. В результате мы сможем делать постановки на мировом уровне. Со времен Шопена театр — одна из важнейших вещей, которые мы дали миру. Польские актеры могут быть гениальными, как Ян Фрыч и Адам Воронович, которые сыграют в «Копенгагене». Когда Воронович первый раз читал текст пьесы, он чуть не прыгал от радости, что может получить такую роль.

— Почему вы хотите, чтобы спектакль, который вы финансируете, был поставлен не в Национальном театре, а в театре «ИМКА» Томаша Короляка?

— Потому что я хочу, чтобы было больше таких Томеков Короляков, которые днем торгуют телом на телевидении, а потом то, что зарабатывают, вкладывают в театр, потому что хотят развиваться. Вот он как раз рациональный мыслитель. Я не за то, чтобы ликвидировать развлекательные зрелища, я за то, чтобы высокое искусство тоже могло здесь развиваться.

— А как это сделать, если амбициозные артисты все чаще выступают на зарубежной сцене?

— Надо противодействовать утечке людей из страны; самое скверное, что уезжают самые молодые, самые энергичные. Нельзя, чтобы лучшие эмигрировали, а остальные избрали служение в Церкви — таким образом теряются фантастические гены. Ведь тот, кто из польской деревни отправляется в Дублин, должен быть сильным человеком. Надо позаботиться о механизмах, которые будут удерживать рациональных и смелых поляков и эту сильную, романтическую интеллигенцию. Один из таких механизмов — это расширение поддержки польской элиты, что я и делаю. Второй — напоминание об истории. Нельзя сокращать количество часов истории в школьных программах, ибо это приведет к тому, что поляки забудут, кто они такие, не сумеют действовать рационально, то есть эффективно.

— А еще не поздно?

— К счастью, мы покуда что не живем в «социальном государстве», где после кризиса люди, скорее всего, ощутили бы себя сиротами, обманутыми в своих ожиданиях. Польша переживает сейчас фантастическую трансформацию, жизнь лучше и лучше, хотя многие пытаются внушить, что всё плохо. Эта страна еще не потеряла своих шансов.

«Копенгаген», пьеса Майкла Фрайна, продюсер Лейб Фогельман, режиссер Вальдемар Кшистик, в ролях Александра Поплавская, Адам Воронович, Ян Фрыч. Театр «ИМКА» в Варшаве, премьера состоялась 6 июня в 19.00.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Польша нашла свой метод противостояния кризису (...), создав треугольник равновесия. Мы расходуем немного меньше, чем составляет рост; соблюдаем финансовую дисциплину (...); и, наконец, маневрируем налогами (...) В минуту опасности нам пришлось повысить НДС, но лишь незначительно. Мы вынуждены были повысить также взносы на пенсию по инвалидности, однако это вытекало из верного заключения, что у польских фирм есть финансовые ресурсы, поскольку из-за кризиса они боятся инвестировать (...) Когда все твердили, что нужно завалить рынок деньгами (...), мы — единственные в Европе — сказали: ни в коем случае! Наш выбор принес результаты. Мы совладали с кризисом. Но есть ли гарантия, что через год мы не впадём в рецессию? Нет. Ни у кого в Европе нет такой гарантии», — премьер-министр Дональд Туск. («Тыгодник повсехный», 24 июня)

• ««Файнэншл таймс» подчеркивает, что в 2008–2011 гг. польская экономика выросла на 15,8%, в то время как экономика Евросоюза сократилась на 0,5% (...) В этом году, по прогнозам Еврокомиссии, мы можем рассчитывать на рост ВВП на уровне 2,7%. Если прогнозы сбудутся, Польша станет самой быстроразвивающейся страной ЕС». («Газета wyborcza», 3 июля)

• «Польша заняла первое место среди 24 стран Евросоюза в рейтинге стабильности и роста пяти важнейших экономических показателей: производства, производительности труда, занятости, условий на рынке труда, а также экспорта за 2008–2011 гг.», — Золт Дарвас, эксперт брюссельского аналитического центра в Брейгеле. («Газета wyborcza», 23 июля)

• «В области ресайклинга Польша безнадежно отстает от таких стран, как Австрия, Бельгия, Дания, Голландия, Германия или Швеция, где перерабатывается около 95% бытовых отходов. У нас почти 90% отходов вывозится на свалку (...) 30% поляков не охвачены организованной системой вывоза мусора, в результате чего ежегодно около 2 млн. тонн мусора попадает в леса или в печи домашних хозяйств». (Лукаш Кулиговский, «Жечпосполита», 9 авг.)

• «По данным Евростата, в 2011 г. ВВП на душу населения составлял в Польше 65% от среднего по ЕС (...) В действительности ВВП на душу населения в нашей стране составляет 67% от союзного среднего (...) Неужели европейская статистика врет? (...) В Польше проживает (...) 37,2 млн. человек. Между тем Евростат считает, что нас на миллион больше. Недостающий миллион — это поляки, которые более года живут за границей, т.е. работают на ВВП других стран (...) Несмотря на это, в целом на фоне Евросоюза мы по-прежнему остаемся бедной страной. Даже с поправкой на лишний миллион беднее нас только пять стран: Венгрия, Литва, Латвия, Румыния и Болгария. Нам далеко даже до охваченной кризисом Греции, где ВВП на душу населения снизился с 94% от среднего по ЕС в 2009 г. до 84% в прошлом». (Януш К. Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 6–8 июля)

• «Гегемония точных наук связана с ощущением, что наука должна служить лишь одной цели — экономическому росту. А он, в свою очередь, нужен для того, чтобы нам жилось все лучше, лучше и лучше. Чтобы мы всё больше ели и покупали (...) Сколько может продолжаться эта гонка? И, собственно, какова ее цель? Но механизм уже запущен, а (...) за всем этим стоят интересы крупных корпораций (...) Огромная доля ВВП попадает в руки горстки людей. Это ведет к инструментализации науки: она должна служить интересам корпораций и создавать впечатление, что важно лишь то, сколько мы потребляем», — проф. Влодзимеж Ленгауэр. («Пшеглэнд», 24 июня)

• «Наши облигации поднялись до рекордного уровня (...) На вторичном рынке 10 летние бумаги продавались по самой высокой за последние шесть лет цене». (Патриция Мацеевич, Томаш Прусек, «Газета wyborcza», 25 июля)

• «В 2010 г. объем прямых иностранных инвестиций в Польшу составил 8,9 млрд. долларов. В прошлом году он увеличился почти в два раза. Иностранные фирмы вложили в польские фабрики, исследовательские центры и сферу услуг 15,1 млрд. долларов, что составило 14,5% ВВП». (Павел Гавлик, «Газета wyborcza», 6 июля)

• «Почему инвесторы хотят вкладывать капитал именно в нашу страну? Авторы отчета аудиторской компании «Ernst & Young» обращают внимание, что Польша — единственная страна в ЕС, которая во времена кризиса не только избежала рецессии, но и зафиксировала самый высокий экономический рост (...) Авторы подчеркивают, что в Польше инвесторы найдут высококвалифицированных и продуктивных работников,

благоприятную для бизнеса атмосферу, а также прозрачную налоговую и законодательную систему (...) По мнению председателя Общества польских экономистов Рышарда Петру, нашей репутации вредят все еще неповоротливый судебный аппарат, засилье бюрократии, непредсказуемость налоговых правил и низкое качество публичных услуг (дорожной инфраструктуры, транспорта, здравоохранения)». (Яцек Мысёр, «Газета wyborча», 22 июня)

• «Подавляющее большинство поляков боится экономической экспансии Москвы (...) Возражения правительства против покупки тарновских «Азотов» российским олигархом отвечают настроением большей части общества (...) Если с приобретением польской фирмы бизнесменом из ЕС готовы смириться 47% поляков, китайцем — 14%, то мысль об инвесторе из России допускают лишь 10%. Согласно недавнему опросу PBS для газеты «Пульс бизнесу», 62% респондентов считают, что польское правительство должно блокировать попытки российских инвесторов установить контроль над польскими компаниями, и только 19% придерживаются мнения, что россияне могут действовать без ограничений. Российский капитал кажется полякам опасным, связанным с политической сферой. Распространено мнение, что восточные соседи относятся к нам хуже, чем к другим государствам. Они вынуждают Польшу платить за газ по высоким расценкам, чтобы потом за эти деньги выкупать наши предприятия (...) В прошлом году прямые инвестиции Польши в Россию достигли 450 млн. долларов, а России в Польшу — всего 17 миллионов». (Павел Рожинский, «Жечпосполита», 21-22 июля)

• «Американский концерн «ЭксонМобил» (...) заявил, что отказывается от дальнейшей разведки сланцевого газа в Польше (...) «ЭксонМобил» подписал с российским концерном «Роснефть» пакет соглашений, касающихся, в частности, эксплуатации залежей нефти и газа на шельфах Карского и Черного морей. По мнению вице-премьера Павляка (...) американцы не хотят (...) искать у нас газ, который мог бы составить конкуренцию российскому (...) У нас по-прежнему нет реальной альтернативы российскому газу, а наши политико-экономические взаимоотношения далеки от идеала. Мы ведем торговые войны — то за экспорт продуктов питания, то за проезд фур или управление польско-российской компанией «ЕвроПолГаз», а попытки российских инвесторов выйти на польский рынок вызывают у нас панику и торпедируются». (Адам Гжешак, «Политика», 4-10 июля)

- «По данным американской геологической службы (USGS), потенциальные залежи польского сланцевого газа, технически пригодного для добычи, составляют от 0 до 115,7 млрд. кубометров, а объем залежей в полосе от Поморья до Мазовии и Люблинского воеводства оценивается в менее чем 38,1 млрд. кубометров. Такое количество газа полностью удовлетворило бы наши потребности на 2,5 года». (Анджей Кублик, «Газета wyborcza», 21-22 июля)

- Польская нефтегазовая компания (ПНГК) открыла в Великопольше новые залежи традиционного газа, объем которых может превышать 1 млрд. кубометров. В настоящее время объем подтвержденных польских залежей традиционного газа составляет около 145 млрд. кубометров. Наша годовая потребность в природном газе составляет около 14,5 млрд. кубометров. («Жечпосполита», 27 июля)

- «Обязанность производства «зеленой энергии» мы выполняем довольно своеобразно (...) На традиционных угольных электростанциях в котлы подбрасывают биомассу (...) В Польше это в основном древесина, солома и зерно (...) В отчаянии не только экологические активисты, но и производители мебели, ДСП и бумаги, которым приходится конкурировать с электростанциями при покупке древесины (...) Общая мощность польских ветряных электростанций (...) составляет 1968 МВт, немецких — свыше 29 тыс. МВт (...) Немецкие фотовольтаические станции вырабатывают 24,7 тыс. МВт, чешские — около 2 тыс., а в Польше есть только одна солнечная электростанция мощностью 1 МВт». (Анджей Загродзкий, «Политика», 20-26 июня)

- «8 лет лесники использовали в качестве сырья столетние деревья [Беловежской пуши], в результате чего были вырублены тысячи кубометров древостоя. 6 июля 1998 г. был введен запрет на вырубку в Беловежской пуше деревьев старше ста лет». (Адам Бохдан, «Дзике жиче», июнь)

- «Тысячи гектаров леса падают под ударами лесозаготовительных комбайнов (...) Мощные стволы переносят к установленным под навесом машинам, которые перемалывают их на опилки, а несколько десятков польских электростанций сжигают их вместе с углем (...) Электростанция никогда не признается, что сжигает здоровые деревья. Формально это вторсырье, отходы (...) Такие установки получают 43% дотаций на «зеленую энергию» (...) Из Африки и Восточной Азии мы импортируем переработанные на опилки деревья тропических лесов (...), а Евросоюз засчитывает нам очки по борьбе с потеплением климата. Польша стала лидером

по сжиганию на электростанциях древесины и другого биологического сырья», — Витольд Гадамский. («Газета wyborcza», 14-15 июля)

• «Банды «нелегальных сеятелей» регулярно захватывают угодья, принадлежащие Агентству сельскохозяйственной недвижимости (...) «По ночам они засеивают зерном все новые не принадлежащие им земли. Весной они заняли свыше 700 га, а затем подали документы на дотации. В результате им достанется 700 тыс. злотых», [— говорит Марек Гиль из Кошалина]. Самым «трудолюбивым» для засева 180 га хватает всего двух дней (...) Во всей Польше лица без [арендного] договора используют в своих целях более 20 тыс. гектаров земли. К таким действиям их склоняют существующие правила. Оказывается, для получения европейских дотаций вовсе не обязательно быть собственником земли. Не нужно и предъявлять документы об аренде. При выплате дотаций важно, кто пользуется землей, а кто ее владелец или арендатор — не имеет значения». (Лешек Костшевский, Петр Мёнчинский, «Газета wyborcza», 14 июня)

• «В 1980–2009 гг. численность 36 видов полевых птиц Европы упала с 600 до 300 миллионов (...) Руководитель проекта «Pan-European Common Bird Monitoring Scheme» (Панъевропейский мониторинг распространенных птиц) Ричард Грегори (...) говорит, что падение числа птиц шокирует (...) Мы близки к катастрофе (...) В Болгарии, Польше и других новых членах ЕС сейчас как раз начинают проводить сельскохозяйственную политику, долгие годы применявшуюся в старой Европе, — политику, которая привела к массовому вымиранию птиц. Можно ожидать, что общее число полевых птиц будет уменьшаться еще быстрее». (Робин Мики, «Форум», 26 июня — 1 июля)

• «Министр сельского хозяйства Марек Савицкий подал в отставку из-за опубликованной в понедельник в «Пульсе бизнесу» записи разговора (...) бывшего директора Агентства аграрного рынка и (...) председателя Всепольского союза сельскохозяйственных кружков и организаций. Речь шла об использовании некоторыми активистами [крестьянской партии] ПСЛ [государственных] должностей в личных целях, об управлении компаниями государственной казны исключительно ради личной выгоды». (Камила Барановская, «Жечпосполита», 18 июля)

• «Можно сказать, что у старейшей крестьянской партии сложилась своеобразная кадровая политика. Схема проста: представляющий ПСЛ министр раздает своим партийным

товарищам должности в центральных учреждениях, те помогают получить должности ПСЛ овцам в воеводствах, а те, в свою очередь, — [обеспечивают крестьянским активистам посты] в поветовых и гминных учреждениях». (Кристина Нашковская, «Газета wyborcza», 20 июля)

• «Во времена коммунизма мы сетовали, что всем заправляет партийная номенклатура, а при раздаче должностей политические критерии важнее профессиональных (...) Теперь у нас точно такая же ситуация. Но разница все же есть: у нас не одна номенклатура, а несколько. На совести каждой партии есть свои грехи», — проф. Павел Спевак. («Польска», 27-29 июля)

• «Даже те чиновники, которые были беспартийными, со временем предпочли вступить в одну из правящих партий (...) В Польше не прижилась концепция гражданской службы, деполитизированного Гражданского корпуса. А каждое новое правительство делает все возможное, чтобы эту службу ограничить и расформировать», — Гражина Копинская, руководитель программы «Против коррупции» в Фонде им. Стефана Батория. («Газета wyborcza», 30 июля)

• «44% наших денег проходят через руки чиновников. В Еврозоне эта цифра составляет в среднем 49% (...) После каждого очередного кризиса доверия в Западной Европе появлялись новые контрольные учреждения, где работали члены семей тех, кого они должны были контролировать». (Томаш Врублевский, «Жечпосполита», 28-29 июля)

• Информационная система Агентства развития и модернизации сельского хозяйства создается частично за деньги ЕС. Однако оказалось, что этот проект осуществляется в значительной степени в обход тендерной процедуры, в режиме т.н. свободных заказов. В результате Брюссель наложил на Польшу штраф в размере 26 млн. евро. («Жечпосполита», 2 авг.)

• «Всемирный банк выделил Польше кредит в размере 750 млн. евро (...) для укрепления государственных финансов. По мнению директора отделения ВБ в странах Центральной Европы и Балтии Петера Харольда, кредит означает одобрение предпринятых польским правительством реформ, в частности, реформы пенсионной системы». («Жечпосполита», 20 июня)

• «Государственная казна должна иностранным кредиторам уже 414 млрд. злотых. По данным, полученным в конце мая, это почти 52% всего государственного долга (...) Год назад польский внешний долг составлял 341,7 млрд. злотых, т.е. 46% всего

долга. В кризисном 2008 г., когда капитал уходил из Польши, ее внешний долг составлял около 34% от общей суммы (170–180 млрд. злотых)». (Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 23 июля)

- «По данным ЦИОМа, 68% поляков высказываются против принятия евро (...) За вступление в Еврозону выступают 25% опрошенных». («Жечпосполита», 28–29 июля)

- «Лидеры ЕС все ближе к созданию банковского союза (...) Теперь Польша стоит перед драматической дилеммой: согласиться на ограничения и потерять еще одну крупницу суверенитета или сохранить независимость в классическом понимании, еще более отдаляясь от центра ЕС, где принимаются все важнейшие решения (...) Один из министров польского правительства, с которым я говорил об этом, (...) поставил вопрос еще более остро: «Это последний бюджет ЕС, из которого мы можем что-то получить. Благодаря этим деньгам Польша меняется, как никогда на протяжении своей истории. Суверенностью мы не накормим поляков и не модернизируем страну»». (Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 9 июля)

- «Польский национальный банк (ПНБ) передал в бюджет более чем 8 млрд. злотых прибыли за 2011 год. Это объясняет уменьшение бюджетного дефицита с 27 млрд. злотых в мае до 21 млрд. в июне». («Дзенник — Газета правна», 17 июля)

- «87 советников Генеральной прокуратурии государственной казны (...) защищают интересы правительства на судебных процессах и могут похвастаться исключительной эффективностью. Из приблизительно 3 тыс. дел, законченных в 2011 г., юристы Генеральной прокуратурии проиграли только 156. Благодаря им отвергнуты притязания к государству на сумму более 3 млрд. злотых. В такого рода случаях их эффективность составляла почти 95%. Эффективность несколько снижалась (составляя 60–70%), когда прокуратурия была истцом, т.е. выдвигала денежные притязания. «Нашим главным успехом стали международные арбитражи. В общей сложности нам удалось избежать выплаты компенсаций на сумму более 60 млрд. злотых (...)», — с гордостью говорит председатель Генеральной прокуратурии государственной казны Мартин Дзюрда». (Эва Иванова, «Дзенник — Газета правна», 11 июля)

- «Орден миссионеров св. Викентия де Поля требует у государственной казны почти четверть миллиарда злотых за земельный участок в центре Варшавы (...) Участок был отобран у

миссионеров на основании царского указа 1864 года». (Ивона Шпаля, Михал Войтчук, «Газета wyborча», 3 июля)

- «В настоящее время во всех епархиях польской Римско-Католической Церкви идет строительство нескольких сот храмов (...) Стоимость возведения небольшой церкви (не считая цены земельного участка) составляет 5-7 млн. злотых». («Пшеглёнд православный», июль)

- «Из почти 30 следствий, возбужденных по факту деятельности Имущественной комиссии, ведется лишь несколько. Остальные прекращены (...) Комиссия перестала существовать в 2011 году. Тогда же начали поступать заявления о преступлениях, совершенных при возврате церковной недвижимости (почти 30). 22 заявления подало Центральное антикоррупционное бюро, остальные — органы местного самоуправления. Подозрения были схожие: приходам передавались участки или выплачивались компенсации, превышавшие стоимость утраченного имущества (...) В настоящее время более 20 следствий прекращены или в их возбуждении отказано. Основные причины — отсутствие признаков преступления и доказательств его совершения». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 11 июля)

- «Они предпочитают отречься от Церкви, лишь бы не платить налоги. Поляки, работающие в Германии, любой ценой хотят избежать немецкого церковного налога (...) «Чтобы не платить налог, многие из них заявили, что они неверующие», — говорит налоговый консультант Томаш Пекельник». (Катажина Вуйцик-Адамская, «Жечпосполита», 18 июня)

- «На депозитах и сберегательных счетах в польских банках хранится почти 500 млрд. злотых (...) В пересчете на каждого поляка получается в среднем 2,8 тыс. евро (около 12 тыс. злотых). Это в девять раз меньше, чем в Бельгии». («Газета wyborча», 12 июля)

- «52% всех сбережений поляков принадлежат 6% жителей страны. Остальные 48% накопленных средств — все, что остается 94% общества». («Пшеглёнд», 5 авг.)

- «Государственная трудовая инспекция отметила 20 процентный рост числа случаев невыплаты зарплат. С января по июнь текущего года вовремя не получили зарплату 45,5 тыс. работников. В тот же период прошлого года их было 37,7 тысяч. Кроме того, на целых 42% увеличилась задолженность по зарплате. В первом полугодии 2012 г. (...) она составила почти 95

млн. злотых, в то время как год назад — 67 миллионов».
(«Жечпосполита», 7 авг.)

• «Последнее сообщение Главного статистического управления (ГСУ) дает основания для тревоги. Впервые число лиц, живущих ниже уровня законодательно установленного прожиточного минимума, превысило число имеющих право на социальную помощь (...) Прожиточный минимум предусматривает расходы, достаточные лишь для выживания (менее 495 злотых в месяц на одного человека и менее 1336 злотых на семью из четырех человек). А ведь это данные за 2011 год», — проф. Эльжбета Тарковская, руководитель Группы изучения бедности Института философии и социологии ПАН. («Газета wyborcza», 4 июля)

• «На содержание и воспитание ребенка с рождения до 20 го года жизни нужно потратить 176 тыс. злотых, — подсчитали эксперты Центра им. Адама Смита. Если мы хотим дать ребенку образование и содержать его в период учебы в вузе, к этой сумме надо прибавить еще 55 тысяч». («Пшеглэнд православный», июль)

• «Во многих городах родители троих и более детей ежемесячно экономят по несколько сот злотых. Им обеспечивают бесплатные или дешевые абонементы в бассейн, билеты в кино, проезд на транспорте. Такие условия создаются не только в Варшаве, Вроцлаве или Гданьске, но и в небольших городах, таких как Гродзиск-Мазовецкий». (Ярослав Стружик, Иоанна Цвек, «Жечпосполита», 7-8 июля)

• «Ежегодно в результате травм, нанесенных взрослыми, в больницу попадают около 600 детей. Сколько детей остается без медицинской помощи, неизвестно (...) Каждый год за насилие в семье, в т.ч. в отношении детей, обвинительные приговоры получают около 20 тыс. человек. А сколько остаются безнаказанными?» («Политика», 25-31 июля)

• В 2011 г. уполномоченный по правам человека рассмотрел 32343 дела. 9572 из них требовали проверки на предмет нарушения прав человека. 6328 обвинений не подтвердились. Положительно были решены 1572 дела (17,3%). В 2011 г. к уполномоченному поступило 27 тыс. новых заявлений. («Жечпосполита», 22 июня)

• «С пятницы [27 июля] между Польшей и Россией начнется малое приграничное движение. Без виз за границу смогут ездить жители Калининградской области и польских поватов, расположенных в части Поморья, а также Вармии и Мазур. При

себе достаточно иметь паспорт и разрешение, действительное в течение 60 дней». («Газета wyborcza», 26 июля)

- «Граждане Белоруссии, Молдавии, Российской Федерации и Украины могут устраиваться в Польше на кратковременную работу (до 6 месяцев в течение 12 месячного периода) без необходимости получать разрешение (...) В 2011 г. гражданам Украины было выдано 18669 разрешений на работу». («Пшеглэнд», 8 июля)

- «Свыше 200 белорусов подали документы в Главную торговую школу. Уже сейчас среди студентов ГТШ на 573 поляков приходится 138 белорусов». («Газета wyborcza», 20 июля)

- «После расистских шуток об украинках правление радио «Эска Рок» сняло с эфира передачу Михала Фигурского и Кубы Воевудского (...) Правление радиостанции извинилось за скандальное выступление ведущих (...) В прошлом Всепольский комитет по телевидению и радиовещанию уже два раза наказывал радиостанцию за расистские шутки». («Жечпосполита», 26 июня)

- «Штраф в размере 75 тыс. злотых наложил Всепольский совет по телевидению и радиовещанию на радио «Эска Рок» за передачу (...) в ходе которой ведущие насмеялись над работающими в Польше украинками». («Газета wyborcza», 1 авг.)

- ««В Польше учится уже почти тысяча студентов из Китая, и их число из года в год растет (...)», — сказала замминистра науки Дарья Липинская-Наленч. Вчера замминистра приняла участие во II Польско-китайском академическом форуме (...), на который прибыли ректоры 30 китайских вузов». («Газета wyborcza», 19 июня)

- «Институт Конфуция — это не только уроки китайского (...), но и знакомство с культурой Китая (...) Краковский Институт Конфуция не единственный (...) Подобные институты создаются при университетах и в сотрудничестве с ними (...) в Познани, Вроцлаве и Ополе (...) В этом году в Варшавском университете конкурс на синологию — 22 человека на место, в Силезском университете (...) год назад на одно место претендовали 13 кандидатов (...) В среду в [познанском] Университете им. Адама Мицкевича еще до окончания приема документов конкурс составлял 13 человек на место». (Агнешка Невинская, «Жечпосполита», 8 июля)

- «Чеченская диаспора в Польше потеряла своего лидера. Умер Исса Адаев, директор Центра чеченской культуры «Синтар», культуролог, университетский преподаватель (...) В 2000 г. он приехал в Варшаву, где основал Институт культуры народов Кавказа (...) Он знакомил поляков с чеченской культурой, написал книгу «Камни говорят» — компендиум знаний о чеченском народе». (Михал Плоцинский, «Жечпосполита», 8 авг.)
- «Афганцы не знают, что могут въехать в Польшу через пограничный пункт и сразу же написать заявление о предоставлении статуса беженца (...) Беженцы идут в Евросоюз без документов, пешком, через зеленую границу Белоруссии с Литвой или польскую восточную границу». (Иоанна Климович, «Газета wyborcza», 4 июля)
- «Из 35 тыс. проживающих в Польше вьетнамцев (...) только 13 тыс. находятся в ней легально (...) Это крупное этническое меньшинство остается незаметным (...) В кульминационный период в Польше жило 60 тыс. вьетнамцев». («Пшеглэнд», 1 июля)
- «Срок подачи прошений об амнистии для иностранцев истек 2 июля. В течение полугода почти 9 тыс. нелегально живущих в Польше иностранцев решили легализоваться (...) Иностранцы подали 8801 заявление, в т.ч. граждане Вьетнама — 2026, Украины — 1941, Пакистана — 1321, других стран — 3513. [До сих пор] было выдано 2411 положительных решений и 608 отрицательных». (Петр Шимоняк, «Дзенник — Газета правна», 4 июля)
- «В течение 10 минут банда головорезов громила курдскую закусочную на опольской Рыночной площади. «Они вошли и сказали, чтобы мы валили отсюда, потому что здесь Польша, а не Турция», — говорит Фират Челликол. В больнице раненого вилами курда избили еще раз. Лишь когда запись нападения разместили в интернете и показали в главных информационных программах, полиция признала расследование приоритетным. В течение трех дней обвинения были предъявлены шестерым мужчинам 23–35 лет. Полиция планирует дальнейшие задержания». (Анна Павляк, «Газета wyborcza», 11 июля)
- «Вроцлавский суд вынес приговоры 10 лицам, публично пропагандировавшим нацизм и призывавшим к ненависти на расовой почве. Все обвиняемые приговорены к 8–12 месяцам ограничения свободы и общественно-полезным работам по 30 ч. в месяц». («Тыгодник повсехный», 24 июня)

- «В 2011 г. прокуроры рассмотрели 323 дела о расизме и ксенофобии (0,027% от общего числа). Большинство из них касалось призывов к ненависти в интернете и во время спортивных мероприятий, а также надписей на стенах. 40 дел закончились предъявлением обвинений». («Тыгодник повшехный», 24 июня)

- «В среду Парламентская ассамблея Совета Европы избрала проф. Кшиштофа Войтычека новым польским судьей Европейского суда по правам человека в Страсбурге (...) Войтычек — профессор краковского Ягеллонского университета, член Европейского научного совета». («Жечпосполита», 28 июня)

- «Посол Израиля вручил медали «Праведник мира» потомкам женщин, спасавших евреев от Катастрофы. Медалью награждены пять женщин, которые помогали евреям в годы Второй мировой войны». («Жечпосполита», 9 июля)

- «В Варшаве впервые официально отметили 22 июля — день начала ликвидации гетто. 70 лет назад немцы начали массовые депортации из закрытого района. В течение двух месяцев в лагерь уничтожения Треблинка было отправлено более 250 тыс. евреев (...) Вчера в Марше памяти в годовщину начала вывоза из гетто приняли участие 2 тыс. человек». (Войцех Карпешук, Ежи С. Маевский, «Газета wyborcza», 23 июля)

- «Кадиш за погибших прозвучал вчера перед памятником жертвам еврейского погрома в Едвабне (...) В 71 ю годовщину убийства на памятных торжествах не появился ни один житель Едвабне. Не пришел и бургомистр (...) Согласно выводам завершившегося в 2003 г. следствия Института национальной памяти (ИНП), преступление в Едвабне совершила группа польских жителей, подстрекаемых немцами. Евреев из Едвабне (...) заживо сожгли в овине. Погибло не менее 350 человек. Вчера в Едвабне побывал Ицхак Левин: «Я был здесь 71 год назад. Тогда погибли мои товарищи, две бабки, два деда. Но я хотел бы почтить и память семьи Домбковских, которая рисковала жизнью, чтобы сегодня я был жив»». («Газета wyborcza», 11 июля)

- «Из-за едвабненской травмы польско-еврейские отношения начали занимать в польском публичном пространстве (в т.ч. и в культуре) так много места, что редкая страна может сравниться с нами в борьбе с призраками прошлого». (Анна Биконт, «Газета wyborcza», 14-15 июля)

• ««Виртуальное местечко» — так называется созданный в 2009 г. портал Музея истории польских евреев и общества «Еврейский исторический институт». За короткое время он стал крупнейшей в мире базой данных по истории еврейских общин в Польше. В настоящее время это 30 тыс. страниц информации, 70 тыс. фотографий, 901 видео- и 115 аудиозаписей. Ежедневно портал посещают 4,5 тыс. человек, а в общей сложности со времени создания число посетителей достигло 2 миллионов». (Томаш Ужиковский, «Газета wyborcza», 29 июня)

• «Учителя и ученики тарнувского общеобразовательного лицея №1 должны были встретиться с живущим в Польше председателем Социально-культурного общества польских палестинцев Омаром Фарисом (...) Встреча была отменена после вмешательства израильского посольства». (Эва Лосинская, «Жечпосполита», 28 июня)

• «Директор Мацей Козловский передал послу Израиля позицию МИДа, подчеркнув, что польское внешнеполитическое ведомство считает неуместным прямой контакт посольства Израиля со школой, планирующей мероприятие, которое, по оценке посольства, может неблагоприятно повлиять на имидж Израиля. Такие действия могут создать впечатление, что посольство вмешивается в вопросы школьного образования». («Газета wyborcza». 18 июля)

• «Омар Фарис, председатель Социально-культурного общества польских палестинцев: «Я палестинец и польский гражданин. Я плачу налоги, не нарушаю закон (...) На Польшу я обижен лишь за то, что не могу говорить здесь о трагедии своего народа, — одного звонка из израильского посольства достаточно, чтобы заткнуть мне рот (...) И это называется уважение к свободе слова?»» («Пшеглэнд», 1 июля)

• ««Для построения демократии нужно много терпения», — сказал бывший премьер-министр Тадеуш Мазовецкий на семинаре с участием тунисских законодателей. И добавил, что польские перемены 1989 г. прошли мирно, потому что их инициаторы отказались от жажды мести. Представители тунисского парламента хотят изучить польский опыт создания демократического общества». («Газета wyborcza», 12 июля)

• «Лех Валенса навел генерала Войцеха Ярузельского и его жену Барбару в их варшавской квартире. «Когда-то мы стояли по разные стороны баррикады, но сегодня мы живем в свободной Польше», — сказал Валенса. Фотографии, сделанные

во время этого визита, он разместил на своем сайте». («Газета выборча», 14-15 июля)

- «В воскресенье 15 июля патриарх Московский и всея Руси Кирилл освятил церковь Воскресения Христова в катынском лесу. Строительство храма продолжалось два года. В торжествах приняла участие делегация православного ординариата Войска Польского. Патриарх Кирилл сказал, в частности: «Катынь является общей могилой для россиян и поляков, местом общей скорби». По оценкам исследователей, там были убиты 16 тыс. россиян и 4 тыс. польских офицеров. Краеугольный камень церкви был заложен 7 апреля 2010 г. в присутствии премьер-министров Владимира Путина и Дональда Туска». («Пшеглэнд православный», август)

- «Вчера пребывающий с визитом в Польше патриарх Московский и всея Руси Кирилл I и председатель конференции Епископата Польши архиепископ Юзеф Михалик подписали совместное православно-католическое послание к польскому и российскому народам. «Мы призываем наших верующих просить прощения за нанесенные друг другу обиды, несправедливость и всякое зло», — говорится в нем». («Наш дзенник», 18-19 авг.)

- «В послании мы читаем о «болезненном опыте атеизма, навязанного нашим народам», и о «тоталитарных режимах, руководствовавшихся атеистической идеологией» (...) Атеистов эти режимы убивали так же часто и безжалостно, как христиан (...) Диалога и уважения заслуживают не только католики и православные, но и другие «инакомыслящие» — в частности, либералы, социал-демократы, а также атеисты...» — Адам Михник. («Газета выборча». 18-19 авг.)

- «Визит Кирилла I беспрецедентен. Никогда еще православная Церковь не подписывала ни с одной другой Церковью подобного совместного документа», — Катажина Висневская. («Газета выборча», 18-19 авг.)

- В 17.00 в 68 ю годовщину Варшавского восстания завывли сирены, и Варшава остановилась, чтобы воздать дань памяти повстанцам. Сразу после этого начались памятные торжества на воинском кладбище в Повонзках. («Газета выборча», 2 авг.)

- «Создатель и первый командир спецподразделения ГРОМ генерал Славомир Петелицкий обнаружен мертвым в гараже своего дома (...) Согласно предварительному заключению прокуратуры и полиции, он погиб в результате огнестрельного ранения в голову. При нем было найдено оружие. Самая

вероятная версия смерти — самоубийство». («Дзенник — Газета правна», 18 июня)

- «ИНП прекратит сотрудничество с издательством «Ритм», основанным еще во времена подпольной «Солидарности». Выяснилось, что один из его создателей, Мариан Пенкальский (Котарский) много лет был офицером Службы безопасности, направленным в подполье для слежки за оппозицией». (Цезарий Гмыз, «Жечпосполита», 20 июня)

- «За исключением одного офицера Бюро охраны правительства, обвинения в причастности к смоленской катастрофе могут быть предъявлены только военным (...) Ни один из гражданских чиновников канцелярий президента, премьер-министра и МИДа не будет наказан. Прокуратура прекратила следствие в их отношении (...), т.к., по мнению следователей, нарушения были формальными и не привели к негативным последствиям — например, «в виде невозможности визитов»». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 3 июля)

- «Постановление о прекращении следствия ввиду отсутствия пострадавших лиц или организаций вступило в законную силу». («Газета wyborcza», 3 июля)

- «Инспекторы Высшей контрольной палаты были более критичны, чем эксперты и гражданские прокуроры. В январе они пришли к выводу, что организация полетов высших руководителей государства в 2005–2010 гг. создавала угрозу жизни пассажиров». (Богдан Врублевский, «Газета wyborcza», 3 июля)

- «Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 10–16 мая (...), 23% респондентов считают, что правительство «упустило все возможности беспристрастного расследования катастрофы». В той же степени распространено мнение, что на президента Леха Качинского было совершено покушение. Этот тезис особенно популярен среди избирателей «Права и справедливости» (60%). Большинство поляков отвергает мысль о покушении и считает, что правительство сделало многое, чтобы расследовать причины катастрофы, хотя и допустило множество промахов. Распространено мнение, что российская сторона не вполне искренна: 68% поляков считают, что Россия скрывает доказательства и замечает следы своих ошибок». («Газета wyborcza», 26 июня)

- «По статистике каждые два–три дня в Польше появляется новая мемориальная доска или памятник, посвященные

жертвам катастрофы под Смоленском». Войцех Цесля, «Ньюсуик-Польша», 9-15 июля)

- Согласно опросу ZBS ЦИМО TNS-Польша, проведенному 2-5 августа, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 29% поляков, Пис — 24%, Союз демократических левых сил (СДЛС) и Движение Паликота — по 7%, ПСЛ — 4%. 23% опрошенных не определились с выбором. Избирательный барьер составляет 5%. («Газета wyborcza», 9 авг.)

- «Наблюдатели единодушны: чемпионат [Европы по футболу] удался, а Польша, организовавшая его вместе с Украиной, произвела очень хорошее впечатление. Нашу страну посетило около полумиллиона болельщиков. Покидая ее, болельщики, спортсмены и журналисты были, как правило, восхищены атмосферой, архитектурой городов-хозяев и великолепными стадионами. На 10% выросло число поляков, довольных ситуацией в стране, на 3% — число сторонников действий правительства. Ярослав Качинский назвал чемпионат «полной катастрофой»». («Тыгодник повшехный», 8 июля)

- «Программа строительства инфраструктуры к Евро 2012 должна была стать для польской строительной отрасли огромным шансом, а стала смертельной ловушкой (...) Список крупных строительных фирм, которые за последние несколько месяцев подали заявление о банкротстве, выглядит почти как череда фамилий на братской могиле (...) По некоторым оценкам, убытки подрядчиков от крупнейшей в истории Польши программы инвестиций в инфраструктуру (на сумму 95 млрд. злотых) могут достигнуть нескольких миллиардов злотых. Как это могло случиться? (...) Сектор инфраструктурного строительства, который за год реализовывал заказы на 1-2 млрд. злотых, вдруг оказался перед задачей выполнить работы на сумму 20-30 миллиардов. Тогда выяснилось, что не хватает сырья, техники, специалистов, а железная дорога не справляется с транспортировкой (...) Тендеры привели к ценовой войне, результатом которой стали банкротства и проблемы с качеством (...) В мире принято снимать с подрядчика ответственность за законодательные изменения. Между тем в Польше подрядчики несут все возможные риски, которые зачастую трудно оценить». (Адам Гжешак, «Политика», 20-26 июня)

- Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 5-12 июля, 32% поляков поддерживают правительство Дональда Туска, а 38% выступают против него. («Жечпосполита», 20 июля)

- Согласно опросу ЦИОМа, в июле самым большим общественным доверием пользовался президент Бронислав Коморовский (70%). 40% доверяют премьер-министру Дональду Туску, а 32% — председателю ПиС Ярославу Качинскому. Рейтинг недоверия возглавляет Януш Паликот (54%), за ним следует Ярослав Качинский (49%). Туску не доверяют 42% опрошенных. («Газета wyborcza», «Жечпосполита», 24 июля)

- «Перед киевским финалом Евро 2012 президент Бронислав Коморовский встретился с украинской оппозицией и провел переговоры с президентом Украины Виктором Януковичем (...) Во время встречи с оппозицией президент Польши признал, что европейская интеграция Украины стоит под вопросом из-за украинской внутривнутриполитической ситуации и неясности с октябрьскими парламентскими выборами (...) Украинские оппозиционеры (...) вручили ему две футболки с надписью «Свободу Юлии Тимошенко» — одну для самого Коморовского, а вторую с просьбой передать ее президенту Януковичу». (Мартин Войцеховский, «Газета wyborcza», 11-12 авг.)

- «МИД уволил всех сотрудников консульства в украинском Луцке. Дипломаты выдавали визы проституткам и преступникам, которых не пустили в другие страны (...) С января 2011 г. следствие ведет катовицкая прокуратура, а в консульстве прошел контроль Центрального антикоррупционного бюро». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 11-12 авг.)

- Консульство Белоруссии в Белостоке отклонило визовые заявления двух учительниц, направленных министерством национального образования в Барановичи. Теперь работа польской общественной школы им. Тадеуша Рейтана при местном отделении Союза поляков Белоруссии будет парализована. («Жечпосполита», 17 июля)

- «В ночь с понедельника на вторник из реки Буг [на польско-белорусской границе] в окрестностях Влодавы были выловлены бакены с прицепленными к ним коробками из-под сигарет, в которых находился тротил. Кроме того, там были спички, мобильный телефон с фотографиями Национального стадиона и планы варшавской фан-зоны [на Евро 2012]. Буг находится под постоянным наблюдением пограничников (...) Именно они и нашли взрывчатку, спрятанную среди сигаретных пачек». (Анджей Возняк, Мариуш Муха, «Супер экспресс», 28 июня)

- «Незадолго до начала Евро 2012 за одобрение терроризма был задержан 21 летний юноша (...) (безработный выпускник лицея

для взрослых) (...) Он рассылал самостоятельно смонтированные фильмы, в которых призывал к джихаду, священной войне с западной цивилизацией (...) Агентство внутренней безопасности перехватило телефонный разговор, в котором «джихадист» сообщал своему товарищу из Германии, что хочет взорвать Сейм (...) «Это было типичное превентивное задержание. Парня могли использовать террористы, или же он мог сам сделать что-нибудь в состоянии депрессии (...)», — сказал офицер АВБ». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 16 июля)

- «Каждое лето в военизированные лагеря, предлагающие, в частности, упражнения с оружием, приезжают члены националистических организаций. Только в этом году в военной подготовке участвовали члены Люблинской бригады «Национально-радикального лагеря». Такие лагеря организовывало и «Национальное возрождение Польши» (...) Многие подобные не вполне легальные лагеря националисты организуют также на Мазурах». (Анита Чупрын, «Польска», 27–29 июня)

- «Исследования, проведенные ПАН, показывают, что с некоторых пор в силу разных обстоятельств в польском обществе снова вырос уровень авторитарности. В 70-е годы, когда было проведено первое такое исследование, он был удивительно высоким, но потом, к 90-м, резко снизился. Однако теперь показатели опять начали расти. Мы опять столь авторитарны, что одна искра могла бы способствовать тоталитаризму. Авторитарное поведение характерно для 60% поляков», — проф. Богдан Василевский. («Политика», 11–17 июля)

- «Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 5–12 июля, 26% поляков считают, что ситуация в стране развивается в правильном направлении. Пессимистов 59% (...) На протяжении нескольких последних месяцев медленно, но систематически нарастает ощущение угрозы безработицы». («Газета wyborcza», 25 июля)

КАТОЛИКИ И ПРАВОСЛАВНЫЕ: НАЧАЛО ДОЛГОЖДАННОГО ДИАЛОГА

— Чего следует ожидать от совместного документа Церквей, польской католической и русской православной, в котором оба народа призываются к примирению?

— Обращение достигнет своих целей, но я бы предостерег от ожидания, что это произойдет быстро, почти сразу. Это символическое и заметное событие, но его результаты не станут осязаемыми непосредственно после церемонии подписания обращения. Общий документ — это лишь начало формирования новой действительности. Она может формироваться по нашему замыслу, а может выйти из-под контроля. Но обращение может также и не иметь существенного значения в обозримом будущем. Ибо есть риск, что документ может остаться бумагой, которая не будет иметь воздействия на христианские общины в Польше и России. Так случилось с актом 2005 г. о примирении между католической Церковью в Польше и Украинской греко-католической Церковью. У меня было впечатление, что о нем забыли на следующий день после подписания.

Все дело в том, чтобы мысль, которая пронизывает это обращение, тронула сердца и умы верующих, а также и людей вне обеих Церквей. А это возможно тогда, когда общее обращение будет оглашено во всех костелах и церквях в Польше и в России. Во-вторых, оно должно стать указанием направлений деятельности и элементом общественной практики католической и православной Церкви. Я могу себе представить, например, разного рода встречи, которые будут претворять это послание в жизнь.

— Какое значение и воздействие в России будет иметь совместный документ двух Церквей?

— Этот документ в России может иметь значительно большее воздействие, чем мы можем сегодня себе представить. В России к письменному документу, принятому на высоком уровне, относятся почти как к нормативному — голосу с самой высокой трибуны, в соответствии с которым надо поступать. Но может случиться и так, что это будет документ высшей

иерархии, неизвестный широким кругам российского общества, и тогда его значение будет меньше.

— Будет ли отличаться документ православной и католической Церкви от письма польских епископов немецким епископам 1965 г., в котором содержались знаменитые слова: «Прощаем и просим о прощении»?

— Разница состоит в том, что в 1965 г. мы имели дело с письмом польских епископов немецким; добавим, что с немецкой стороны — я имею в виду Епископат немецких католиков — не было адекватного ответа. Был получен, как и следовало ожидать, ответ Евангелической Церкви, идущий навстречу устремлениям католической Церкви в Польше. Позже последовал ряд важных общих заявлений польских и немецких католических иерархов в обеих странах.

Сейчас мы имеем дело с совместным обращением русской и польской Церквей к полякам и русским, которое, как любое совместное заявление, имеет все достоинства и недостатки документа, выработанного в ходе переговоров. Иными словами, ни одна сторона не получила всего, но возник общий знаменатель. Как правило у каждой стороны есть свое понимание оптимума. Но доминирует воля к соглашению, ценность которого состоит не в том, что вошло в документ, а в том, от чего отказались, чего в документе нет.

Например, в нем нет известной из письма польских епископов немецким формулы: «Прощаем и просим о прощении». На повестку дня встали бы тогда вопросы, за что испрашивается прощение, в какой вине дело. Обе стороны не были еще готовы к тому, чтобы на эти вопросы дать четкий ответ. Фундаментом этого соглашения было то, что объединяет. Мы должны отдавать себе отчет в том, что русская Церковь пережила очень тяжелые времена в советской России. Поэтому она легко смогла понять наши ожидания, связанные с осуждением коммунистического режима. Иными словами, русская Церковь очень негативно оценивает коммунистический режим, и это объединяет ее с повсеместным для поляков чувством.

То, что в послании нет формулы взаимного прощения вины, по моему убеждению, имеет второстепенное значение, коль скоро авторы документа обращаются к словам, содержащимся в общей молитве «Отче наш»: «И остави нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим».

— Как следует оценивать значение визита Патриарха Кирилла в Польшу?

— Ранг и значение визита определяется тем, что это первое посещение Польши русским Патриархом. Следует подчеркнуть, что это смелый акт со стороны русской Церкви. Даже если в ближайшем будущем не все ожидания улучшения польско-российских отношений сбудутся, то, безусловно, следующие поколения будут обращаться к посланию двух Церквей. Даже если пройдет пятьдесят или сто лет, оно останется точкой отсчета.

— *Появляются комментарии, говорящие о воздействии Кремля на визит Патриарха в Польшу. Что вы об этом думаете?*

— Не исключено, что без политических шагов, без встреч премьера и президента России с польскими руководителями визит Кирилла в Польшу не мог бы состояться. Когда мы говорим о примирении, намного важнее то, что общее послание Церквей не носит политического характера. Этот документ обсуждался католической и православной Церковью в полной мере автономно, в религиозной и нравственной, а не в политической плоскости.

В декабре 1999 г. Иоанн Павел II дал мне частную аудиенцию. Разговор затронул развитие ситуации в России. Папа выразил сомнение, принесет ли результат его визит в Россию. Я помню его заключительные слова: «Знаете, я получал приглашения от Горбачева, от Ельцина, есть и от Путина. Но меня интересуют отношения с православной Церковью, а не Путин».

— *По случаю визита православного Патриарха может возникнуть дискуссия, касающаяся преступлений Советской России в отношении поляков. Интересный вопрос: почему в Польше преступления, совершенные Советской Россией, вызывают больше негативных эмоций, чем намного бóльшие и не менее жестокие преступления гитлеровской Германии?*

— Меня об этом время от времени спрашивают русские, в том числе и высокопоставленные. У меня есть простой ответ: Германия не ставила под сомнение свои преступления. Немцы не отрицали, что гитлеровская система была преступной и что преступление совершила Германия. В то же время Советский Союз не только не признавал преступного характера системы, но отрицал даже документированные преступления, символом которых стала Катынь.

Взаимные отношения осложнило вступление в Польшу Красной армии, которая устранила с польских земель гитлеровскую Германию, но вместо освобождения навязала Польше чуждую систему и новый вид порабощения. Можно

говорить о том, что польский народ был спасен от гитлеровского уничтожения, но строй, созданный после 1945 г., был нам навязан Москвой. В результате отношения с Россией со временем стали более осложненными, чем с Германией.

— А как трактовать нынешние проблемы, касающиеся Катыни? По-прежнему актуален, например, вопрос о лишь частично открытых документах российского катынского следствия.

— Главные документы известны. Это решения высших органов советского государства, документы, свидетельствующие о том, что преступление осуществили палачи из НКВД по приказу Сталина и его Политбюро. Засекреченными остаются те тома российского катынского следствия, которые, вероятно, могут указать на людей, являющихся наследниками — внуками или правнуками преступников. Однако фамилии исполнителей известны. Я думаю, что те, кто противится обнародованию всей правды, — это люди, воплощающие связь с прошлой системой. Они, понятно, охраняют таким образом свое «доброе имя» и не хотят, чтобы их предки в формально-правовом смысле были признаны преступниками.

— В одном из интервью вы сказали, что одно из важнейших препятствий во взаимоотношениях поляков и русских — это отсутствие взаимного доверия. Такую проблему полякам удалось разрешить с немцами, но не с русскими.

— Истоки взаимного недоверия между поляками и русскими совершенно иные, чем между поляками и немцами. Это можно понять, обратившись к первой фразе «Анны Карениной» Толстого, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Перефразируя Толстого, можно сказать, что польско-немецкие и польско-русские отношения не были счастливыми, но по разным причинам.

С немцами нас разделяло всё. Начиная с языка и всего хода истории и заканчивая тем, что разделяет нас до сих пор, — я имею в виду комплекс превосходства у значительной части немцев по отношению к полякам. Это обусловлено тем фактом, что немецкое общество в новейшей истории было богаче и значительно лучше организовано, чем польское. Было лучше образованным, более урбанизированным, более индустриальным. Исторически поляков и немцев сближало христианство, которое мы переняли из Чехии и Германии.

В отношениях с Россией было иначе. Поляки уже с начала собственной государственности, раньше, чем Киевская Русь,

приняли христианство, имели ощущение, что цивилизационно стоят выше русских. В свою очередь, русские после великого раскола 1054 г., то есть после разделения христианства на западную и восточную Церкви, весьма неодобрительно относились к Риму, папству и католицизму. В России существует также убеждение, что в Польше католическая Церковь обладает чрезвычайно большой силой общественного воздействия.

С другой стороны, у русских было чувство имперского превосходства, обусловленное большей силой и мощью. В результате поляки доброжелательно относятся к русским и к их культуре, но отношение к России характеризовалось отчуждением и страхом, а вместе с тем ощущением превосходства по отношению к системе власти, царящей в России. Одновременно поляки любят русских. Любят русскую культуру — кино, музыку, литературу.

Подведем итог. Визит Патриарха имеет духовное измерение. Он обращен к общим корням и христианским ценностям, которые должны объединять оба наших народа. Визит дает надежду, что у нас есть на чем строить польско-российское примирение. Открывает новое измерение в мышлении о будущем отношений между нашими народами.

Беседу вели Норберт Новотник, Павел Розвуд

Интервью Польскому агентству печати

ПРЕОДОЛЕТЬ ИНЕРЦИЮ ВРАЖДЕБНОСТИ

Динамичность развития российско-польских отношений в гуманитарной сфере подтверждена еще одним знаменательным фактом. В Москве дан старт научному сотрудничеству Института всеобщей истории Российской Академии наук и Института Центрально-Восточной Европы из Люблина.

В посольстве Польши были подписаны соответствующий договор, а к нему — содержательное приложение, определяющее план работы по научно-образовательному проекту «Россия и Польша. Как преодолеть инерцию враждебности?». Документы подписали известные ученые — директор Института всеобщей истории, академик РАН Александр Чубарьян и директор Института Центрально-Восточной Европы профессор Ежи Ключовский.

Совместный проект предполагает разработку рекомендаций для составителей учебников и учителей, подготовку хрестоматий, цикл лекций, адресованных учителям истории и студентам-гуманитариям двух стран. Российские и польские учителя средних школ получают возможность обменяться опытом и высказать свои пожелания ученым.

В интервью «Новой Польше» Александр Чубарьян раскрыл смысл устанавливающегося сотрудничества:

— Главная цель — снятие предубеждений и негативных стереотипов в отношениях России и Польши. В мае этого года был создан Центр истории Польши и российско-польских отношений. То обстоятельство, что он находится в стенах Института всеобщей истории, позволяет исследовать двусторонние отношения в европейском контексте. К тому же, в Балтийском федеральном университете им. Канта в Калининграде открыт Институт балтийских исследований, в котором я являюсь научным руководителем.

Формы сотрудничества с польскими специалистами могут быть различными. Перспективной представляется организация летней школы для молодых историков. Очень значима образовательная составляющая. В этой связи исключительно

важно подготовить учебное пособие для учителей истории. Сближению российского и польского обществ должна способствовать честная и открытая совместная работа, которую мы намерены вести, тесно сотрудничая с Фондом «Российско-польский Центр диалога и согласия».

В свою очередь, Ежи Клочовский отметил следующее:

— Институт в Люблине работает с начала 1990-х годов. В сферу его деятельности входит изучение обширного региона — бывшие социалистические страны Европы и значительная часть постсоветского пространства. Институт имеет общепольское значение и поддерживает обширные международные связи. Наша принципиальная задача — сближение соседних народов, которое поможет избавиться от рецидивов конфликтов. Важно не бояться правды и добиваться взаимопонимания через культуру, межчеловеческое общение, диалог интеллектуалов.

Координаторы проекта: с российской стороны — руководитель Центра истории Польши и российско-польских отношений доктор исторических наук Леонид Горизонтов, с польской — доктор исторических наук, профессор Мирослав Филипович.

— Решение предусмотренных проектом задач возложено на созданные в России и Польше рабочие группы, — сообщил Леонид Горизонтов. — В их состав включены не только сотрудники партнерских институтов, но и представители других академических институтов и ведущих университетов, имеющие большой научный и педагогический опыт.

Профессор Горизонтов назвал ряд замыслов, которые Центр истории Польши намерен осуществить во взаимодействии с польскими коллегами. Так, планируется издание двух сборников: «Империя на память. Мемуары поляков о дореволюционной России» и «Русский след в Польше: свидетельства источников». Успеху этого проекта могло бы способствовать объединение усилий, в частности, с историками Люблинского университета им. Марии Склодовской-Кюри и Келецкого университета им. Яна Кохановского.

Большое значение придается проведению в будущем году в Москве совместной конференции «Проблема выбора в российско-польских отношениях XIX–XX веков», основным организатором которой с польской стороны может выступить Институт истории Польской Академии наук. В предварительной программе конференции видное место

отведено событиям, отмечаемым юбилейными датами. Среди них: война с Наполеоном, Крымская война 1853–1856 гг., польское восстание 1863–1864 гг., Первая Мировая война, Варшавское восстание 1944 г. и др. В центре же внимания — выбор, который в различных ситуациях и на разных уровнях: от повседневной жизни до принятия политических решений, — должны были делать все участники российско-польских отношений. Обсуждение в кругу ведущих специалистов позволит глубже понять политические культуры, менталитет, идентичности и поведенческие стратегии поляков и русских, стереотипы взаимного восприятия и особенности исторической памяти, альтернативность общего прошлого. Таким образом, как считают инициаторы конференции, проблематику истории российско-польских отношений удастся органично соединить с актуальными направлениями исторической науки.

Такой подход уже продемонстрировала российско-польская Группа по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений. Свидетельством этого стал солидный том исследований по самым острым вопросам двусторонних отношений XX века — «Белые пятна, черные пятна», опубликованный в России и Польше на русском и польском языках.

Центр истории Польши и российско-польских отношений будет создавать также информационный интернет-ресурс, аккумулирующий сведения о полонистических исследованиях в России и за рубежом.

УРОК СМирЕНИЯ

— С какими вопросами, требующими решения, мы отправились на саммит в Чикаго?

— Перед нами четыре главных вопроса: способ завершения миссии в Афганистане — каким путем и какой ценой; далее — так называемая smart defence, «умная оборона», которая должна укрепить НАТО (в частности, речь идет об объединении военных потенциалов отдельных стран). Налаживание важных с нашей точки зрения отношений НАТО с Россией и, наконец, роль Европы в оборонных усилиях всего Запада.

— «Умная оборона»? Идет ли тут речь также о пресловутом противоракетном щите, которого мы никак не можем дожидаться?

— В 2010 году мы отказались от концепции правительства Буша, то есть чисто американского щита, который вовсе не был призван служить защите Польши или Европы, — более важными в то время были скорее деньги и идеология. Мы согласились на противоракетный щит НАТО. Размещение этой системы в Польше предусмотрено по плану в 2018 году. Однако мы опасаемся, что ввиду сокращения бюджетов, имеющих возражений со стороны России, и ввиду того, что некоторые другие государства-члены НАТО без особого энтузиазма относятся к этой концепции, — НАТО не будет форсировать систему противоракетной обороны (ПРО). Но для нас этот щит особенно важен, и мы будем за эту систему бороться, тем более что мы уже понесли некоторые издержки.

— Под понесенными издержками вы имеете в виду прежде всего раздражение со стороны России?

— Я имею в виду ухудшение отношений с Россией и перемещение русских ракет в Калининград или в Белоруссию, которая в стратегическом плане является частью России.

— Как нам следует воспринимать Россию? Существует ли разница между нами и нашими союзниками в восприятии России?

— Разумеется, существует разница. Французы, например, усматривают угрозу в Северной Африке, американцы — на Ближнем Востоке, а мы — в Восточной Европе. Даже если тут не

предвидится непосредственной угрозы — в плане каких-либо намерений или готовности к нарушению нашей безопасности — то ситуация внутри России и по соседству с ней может стать причиной нестабильности и иметь более серьезные последствия. Мы должны продемонстрировать, что мы к этому готовы.

— Но как объяснить обычному человеку, что необходимо тратить средства на вооружение, если у нас в Европе экономический кризис? Ведь правительство не может публично заявить, что мы боимся России, когда все вокруг говорят, что какая бы то ни была война — вещь совершенно невозможная.

— Военный бюджет должен получить одобрение в обществе, ибо расходы на современное вооружение не должны сравниваться с расходами на молоко для детей в Бещадах. До тех пор, пока вблизи наших границ существуют значительные военные потенциалы, в том числе наступательные, ракетные и ядерные, мы должны располагать потенциалом устрашения, как своим собственным, так и союзническим. Сейчас российская доктрина не направлена против нас, хотя в российской риторике появляются различные констатации, которые безусловно нас беспокоят. Иногда это лишь нарочитое стремление вызвать шум. У нас тоже существует немало тех, кто обожает страх перед Россией и только тем и живет, что постоянно ищет врагов.

Военные учения «Запад» и «Ладога», которые русские провели у наших границ в 2009 году, с одной стороны, продемонстрировали многочисленные слабые стороны российской армии, а с другой — нам была продемонстрирована политическая, ментальная способность России показать свою силу у наших границ. В такой ситуации мы не можем сидеть, поджав хвост.

Во-вторых, меняется геополитический пейзаж. Возможно, и нет никаких проблем по соседству с нами, но геополитический порядок меняется не в пользу Запада, причем часто по его же — а возможно, и по нашей — вине. В последние годы Запад принимал такие решения, которые вполне правомерно вызывали беспокойство государств в разных частях света, например вторжение в Ирак в 2003 году. И эти государства начали вооружаться и проявлять свою готовность наносить вред нашим интересам.

— Но это так далеко от наших границ...

— Мы наблюдаем рост военных расходов и расширение военных возможностей, в частности в Юго-Восточной Азии. Новые державы: Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, страны, населённые сотнями миллионов жителей и имеющие почти 10 процентный рост ВВП ежегодно, — только ещё создают свой экономический потенциал, который в будущем отразится на росте их военных возможностей.

Польша не может говорить, что подобные изменения ее не касаются. Мы должны вносить свою долю в оборонный потенциал и сохранять право влиять на стратегию всего НАТО. До сих пор дело тут обстоит по-разному. Сегодня мы гораздо больше ощущаем свою уверенность, чем всего лишь несколько лет тому назад и уже не опасаемся говорить о том, каковы наши ожидания. Примером пусть послужат те существенные изменения, которые были внесены на саммите НАТО в Лиссабоне в 2010 г.: это так называемые предположительные планы на случай нападения на Польшу, совместные учения в рамках НАТО, завершение формирования сил быстрого реагирования, а также более справедливое усовершенствование логистики, благодаря которой американцы или британцы могли бы высадиться на нашей территории спустя 24 часа с момента возникновения кризисной ситуации.

— Америка постоянно упрекает европейских союзников в том, что хотя они и критикуют США при каждом удобном случае, но сами в вопросах обороны продолжают играть роль безбилетных «зайцев»: они не несут тех финансовых затрат, которые от них ожидаются. Польша тоже не без греха, ибо и она усилий здесь не прилагает.

— Американцы, конечно, в некотором смысле правы, хотя тут следует сделать две оговорки. С их точки зрения мир выглядит гораздо более грозным и опасным, чем это видится нам в Европе. Во-вторых, американцы чересчур милитаризируют политику безопасности. Мы в Европе считаем, что улучшаем ситуацию, используя невоенные средства: дипломатическую активность и помощь в целях развития. Западноевропейские государства, в частности, считают, что такое поведение обеспечит гораздо больший эффект, чем отправка войск.

Кроме того в Европе проблема — не столько военные расходы, сколько сохранение так называемой интероперативности, системы совместных действий с американцами. Если мы хотим действовать совместно с ними, то нам надо иметь в Европе как можно более современные вооруженные силы. Польша при этом находится в хорошей ситуации, ибо наши расходы, предназначенные на эти цели, составляют 2% ВВП —

впрочем, только в четырёх государствах-членах НАТО этот уровень выше.

— Теперь Афганистан. Генерал Дэвид Петреус, еще будучи главнокомандующим, утверждал, что до середины 2011 г. он скажет, удастся ли или не удастся эту войну выиграть. Наступил май 2012-го, а в НАТО так и нет единодушного ответа на вопрос: выигрываем мы или нет.

— Это вопрос, касающийся самого определения победы. Вначале мы поставили перед собой чересчур амбициозные задачи и пытались их выполнить исключительно с использованием силовых методов, лишь слегка «подсластив» их обещанием помочь в сфере развития, вдобавок коррумпируя местные элиты, чтобы завоевать их благосклонное отношение к нашему присутствию. Однако после 2007 г. операция перешла критический рубеж и начался процесс её дегенерации.

— Такие инциденты, как осквернение останков...

— Если армия находится в какой-то стране слишком долго, то возникают явления негативные, а подчас и чудовищные, способные вызывать шок и ужас как у командиров, так и у политиков тех стран, откуда прибыли солдаты. Долгосрочная военная операция дегуманизирует всех.

— Так как же выходить из афганского тупика?

— Мы, как говорится, поставили на одну лошадь, на Хамида Карзая и его окружение, но ведь он представляет лишь часть очень неоднородного Афганистана, а кроме того он не в силах удержаться без нашей помощи. Мы упорно настаиваем на том, что только Карзай может управлять Афганистаном, но не нам же решать этот вопрос — с тем же успехом это могут быть талибы. Мы должны стремиться к ликвидации условий, способствующих терроризму. Претворять в жизнь программы, содействующие помощи и развитию, предполагающие не только вложение денег, но и — а может, как раз в первую очередь — привлечение к сотрудничеству местных властей, то есть тех, у кого есть истинная поддержка местного населения. Речь идет о дорогах, мостах, больницах.

— Так что вы советуете?

— К концу текущего года наше участие в боевой операции в Афганистане завершится — то же можно сказать и о многих других странах, хотя американцы будут оставаться там дольше. Потом, до конца 2014 г., мы сосредоточим внимание на

подготовке афганских военных сил и сил безопасности и, по крайней мере в нашей провинции, передадим ответственность за безопасность американским и афганским силам. В самом начале текущего года в НАТО возникло мнение, что силам НАТО следует там остаться, ибо цели миссии еще не достигнуты. Мы же считаем наоборот: что как раз мы превратились в часть афганской проблемы.

Поэтому вопрос к американцам звучит теперь так: как будет выглядеть их присутствие после 2014 года? Они только что подписали с афганцами соглашение, которое обсуждалось на протяжении многих месяцев, они оставят 20–30 тысяч солдат, чтобы обеспечивать безопасность правительства Карзая. И я надеюсь, что исключительно для того, чтобы преследовать остатки Аль-Кайды, хотя я не думаю, что Аль-Кайда вновь захочет там искать для себя убежище. В настоящий момент речь идет скорее о самом обычном сопротивлении, направленном против чужого военного присутствия, — представьте себе, что бы происходило в Польше, если бы на протяжении 11 лет здесь действовали чужие войска, будь то по приглашению или без приглашения.

— А нельзя ли было после 11 сентября просто ударить по Афганистану, уничтожить Аль-Кайду и тут же выйти?

— Разумеется, так и надо было сделать. Попытка переделать Афганистан с помощью военной силы по нашему образу и подобию оказалась огромной ошибкой. Вдобавок отказались от поддержки других политических сил, кроме Карзая, в том числе сил Северного Союза, бывших союзниками американцев в момент вторжения, позднее отстраненных от участия во власти. Отстранены были и талибы, которые вовсе не представляли угрозы для Запада. Угрозой была лишь Аль-Кайда — эта организация нашла там для себя безопасное убежище, так как это было на руку талибам. Но мы также знаем, что ни на Нью-Йорк, ни на Вашингтон талибы не нападали. В угнанных самолетах не было ни одного афганца!

— Китай пришел в Афганистан не с армией, а с инвестициями. Китай сейчас вторая по своей мощи экономическая держава в мире. Разве Китай до сих пор не доказал, что будет играть в мире стабилизирующую роль, а не конфликтную?

— В 2010 г. Китай предпринял попытку продемонстрировать свои мускулы; Пекин бросал вызовы присутствию американских сил. Это обеспокоило соседей Китая и даже те государства, у которых не было слишком тесных отношений с

Америкой, как Вьетнам например. Или Бирма. Ведь откуда взялись перемены в Бирме? Да потому, что она испугалась растущей мощи Китая. Конечно, до сих пор китайцы вели себя разумно, но ведь мы хорошо знаем, что иногда государства, руководители, народы теряют голову.

Некоторые предсказывают наступление века Азии — ничего подобного не случится. Согласно этой концепции Азия — это Китай. Но ведь соседи Китая всё более решительно проводят стратегию сдерживания Китая, как некогда Запад сдерживал Россию.

— Вы пишете в своей новой книге, что представленный Збигневом Бжезинским образ НАТО как главного глобального гаранта безопасности останется лишь несбыточной мечтой мыслителя.

— Примером такого мышления был саммит НАТО в Бухаресте в 2008 г., настоящий имперский саммит: «Титаник» выходил из порта, оркестр играл, мы пили шампанское, было круто. В жутком дворце, оставшемся после Чаушеску, мы ощущали себя хозяевами мира. В том же году до нас стали доходить первые сигналы о том, что миссия в Афганистане пробуксовывает. НАТО совершенно опустило руки перед лицом войны в Грузии, хотя мы обещали ей, что никогда ее не оставим. Не НАТО, а Евросоюз, который вовсе не является институтом безопасности, и президент Франции Николя Саркози, возглавлявший тогда Европейский Совет, добились прекращения военных действий и перемирия. НАТО тогда уже было в зависимости от России и других постсоветских государств, которых русские могли с легкостью вынудить отозвать согласие на натовский транзит оружия и войск в Афганистан.

С 2008 г. мы получаем уроки смирения. Саммит в Чикаго будет скромнее лиссабонского, кончилось время имперских съездов и оптимизма, связанного с тем, что НАТО сможет стать глобальным институтом безопасности, который — как когда-то хотели американцы — заменит ООН. Эти мечты надо оставить. Однако это не означает, что НАТО не может быть при этом надежным оборонительным щитом для своих членов, а также стабилизировать безопасность в своем непосредственном окружении. На это мы способны и должны это делать.

Роман Кузьняр, профессор политологии, руководитель
Кафедры стратегических исследований в Институте
международных отношений Варшавского университета.
Бывший директор Польского института международных дел
(2005–2007). Дипломат и советник президента Бронислава
Коморовского по международным вопросам.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я знал Чеслава Милоша 27 лет (1977–2004). О подробностях нашего знакомства рассказывает эта книга. Это были годы необычайные. Вначале тоталитарный строй во всей Восточной и Центральной Европе выглядел прочным: у нас не было надежд, что мы вернемся в родные страны иначе, нежели в виде книг, с трудом перебрасывавшихся через границу. Всё изменилось быстро и внезапно. В последний период моего знакомства с Милошем наши страны были свободны, а возвращение в них перестало быть неисполнимой мечтой. Для Милоша эти годы были увенчанием жизни и творчества. Он немало способствовал обретению независимости Польшей и Литвой, а также смягчению польско-литовских споров; он стал нобелевским лауреатом, справедливо считавшимся крупнейшим в XX веке поэтом обоих народов; по прошествии десятилетий и невероятных поворотов судьбы он снова увидел Вильнюс, Шетеняй и Красногруду.

На протяжении этих лет я встречался с Милошем довольно часто. Было бы нескромно сказать, что я был его товарищем, но в некотором смысле был его учеником, с юности влюбленным в его стихи, черпающим знания о веке и собственном отечестве из его эссе. Мы были родом из недалеких друг от друга мест, окончили один и тот же университет — правда, в принципиально разных обстоятельствах и временах — и принадлежали тому же самому магическому «городу без имени», который остался собой невзирая ни на что. Я был на поколение младше — пожалуй, даже на два поколения, потому что мне недоставало военного опыта Милоша, когда годы считаются один за два. Поэтому наши разговоры были разговорами людей из разных эпох. Были они также разговорами поляка и литовца. Или, может быть точнее, старолитвина и младолитвина^[1].

Милош неоднократно давал понять, что считает себя литвином, только не в нынешнем смысле, когда национальность определяется главным образом языком. Он называл себя последним гражданином Великого Княжества Литовского. На землях этого княжества, как известно, родились также Костюшко, Мицкевич и Пилсудский. Они часто называли себя литвинами, и другие их так называли; часто, хотя и не у всех, у них были балтийские корни; одновременно

они были поляками, принадлежащими к польской культуре и польскому языку. В последнее время начинает приживаться слово «старолитвин». Так определяют людей, ощущающих неразрывную связь с Великим Княжеством в отличие от «Короны» [земель Польского Королевства]. Язык семьи — дело тут второстепенное: старолитвинами были и те, кто говорил по-литовски, как филолог и проповедник XVII века Контантинас Ширвидас (Константы Ширвид), которому Милош посвятил замечательное стихотворение, или поэт и сейненский епископ Антанас Баранускас (Антоний Барановский) — не говоря уже о государственных деятелях, ксендзах и повстанцах, говоривших «по-руску», то есть по-белорусски. В эпоху «филологических революций», в преддверии XX века, явились младолитвины, для которых язык был чем-то самым главным. Хотя они и считали себя наследниками Великого Княжества, но построили другое государство и другую культуру — нынешнюю Литву, которая дважды, в 1918 и 1991 гг., добилась независимости. Эта Литва использует древний балтийский язык и сильно отличается от Польши; некоторые традиции Великого Княжества младолитвинам близки, но общий польско-литовский патриотизм остается им непонятен. По месту рождения, языку и воспитанию я принадлежу к младолитвинам (теперь называемым просто литовцами), хотя мне случается тосковать по старолитвинскому самосознанию Ширвиндаса и Баранускаса, которое бесповоротно отошло в прошлое.

Великое Княжество было для Милоша не столько географическим и историческим фактом, сколько мифом. Он считал, что это была страна архаических добродетелей и прекрасной терпимости, где барочные костелы соседствовали с кальвинскими кирхами, православные церкви — с униатскими, синагоги — с мечетями, а древнее язычество тоже имело свое место и права. Он считал, что эта традиция выжила в жизни литовского села, управляемой ритмами природы. Отсюда шел своеобразный консерватизм поэта, и здесь он искал противоядия от нигилистических ядов XX века. Отсюда же шел его культ языка. Он любил не только польский язык: его завораживало звучание литовского, который он знал довольно хорошо (так же, как Йейтса завораживало звучание гэльского). Пожалуй, след этого остался в некоторых его стихотворениях.

В начале XX века старолитвины и младолитвины не соглашались друг с другом почти ни в чем, и это принесло дурной результат — многолетний конфликт за Вильнюс-Вильнюс. Чеслав Милош был здесь редким исключением: оставаясь поляком (или старолитвином), он понимал

младолитовскую точку зрения и младолитовские чаяния. Он учился этому, как и многим другим вещам, у своего родственника Оскара Милоша, типичного старолитвина, который, тем не менее, выбрал Литовскую Республику. Учился он и у виленских «краёвцев»^[2], таких как Михал Рёмер. Еще в молодости, в эпоху «Жагаров», он выражал свою особую позицию относительно литовской проблемы — в том числе и тем, что компетентно писал о новой литовской литературе и переводил своего ровесника Казиса Боруту. В конце концов он стал мостом между двумя государствами и двумя культурами. Такие мосты сегодняшним Литве и Польше необходимы, и тот факт, что эта роль выпала величайшему польскому поэту, — дело неоценимое.

Рассказывать о связях Милоша с литовцами и независимой Литвой можно долго. Я посвящаю этому значительную часть книги — тем более что эти связи в основном неизвестны польским читателям. Однако я продолжаю узнавать всё новые подробности — некоторые из них приведу. Красочная подробность: молодой Милош хорошо знал Юзефа Альбина Гербачевского, выступающего также под именем Юозас Альбинас Гербачяускас. Это был скорее старолитвин (что видно из двойной фамилии), фигура из краковского кабаре «Зеленый шарик», где он выступал с речами; по словам Боя-Желенского, из его речей можно было понять, что он хочет что-то доказать, и очень хочет, но никоим образом нельзя было понять, что же именно. Потом он преподавал — в том же самом стиле — польскую литературу в Каунасском университете, а в конце концов вернулся в Краков, где умер под конец немецкой оккупации. Он дружил с Виткацием и вроде бы оказал на него влияние. Другая подробность, более серьезная: Милош переписывался с последним министром иностранных дел независимой Литвы (потом эком сталинских дагерей) Юозасом Урбшисом. Оба были родом из Шетеняй, с тем что Урбшис был на 15 лет старше (кстати, ему было суждено редкостное долгожительство, что позволило ему дожидаться второй независимости, даже участвовать в борьбе за нее).

Прекрасная подробность: в последние годы жизни Милош встретился в Вильнюсе с сердечным другом своей молодости Владасом Дремой, быть может самым выдающимся литовским историком искусства, причем квартира Дремы в переулке Литерату оказалось той самой, которую Милош снимал, будучи студентом.

Так сложилось, что в семидесятые-восемидесятые годы я сам оказался одной из нитей, связывающих Милоша с Литвой и

Вильнюсом. Началось с косвенных контактов. Милош перевел мое стихотворение для парижской «Культуры». Затем очень много сделал для моего выезда из СССР. Очень помог мне в первый, для всех нелегкий, период эмиграции. Я старался отблагодарить его, рассказывая о литовских делах, о старых знакомых (многих я хорошо знал), о переменах на этих землях, а главное, о том, что на них сохранилось и сохранится, так как отличается невероятным упорством. Уже через год знакомства из этого возник диалог, напечатанный в «Культуре». Мы вместе участвовали во встречах литовской диаспоры — которую Милош, как он говорил, предпочитал диаспоре польской; выступали на торжественных заседаниях, посвященных 400 летию нашего университета, в которых участвовали и литовцы, и поляки, и американцы. Затаив дыхание, следили мы развитие событий в эпоху «Солидарности», военного положения и «Саюдиса». Писали на эти темы в печати. Часто разговаривали об этом с Иосифом Бродским, который был влюблен в Польшу и Литву (а особенно в Вильнюс) так же, как мы. Когда советская армия убила полтора десятка защитников вильнюсской телебашни, мы втроем подписали воззвание, напечатанное в «Нью-Йорк таймс». Это, можно сказать, был какой-то знак того, что три народа — польский, русский и литовский — находят в эти опасные времена общий язык. Потом уже были встречи в Кракове, Катовицах, Сейнах и, пожалуй, чаще всего в Вильнюсе. Тогда я перевел довольно много стихов Милоша. Он радовался, когда они выходили в свет по-литовски (иногда раньше, чем по-польски).

В эту книгу о Милоше входят эссе и филологические труды, написанные как при жизни поэта, так и после его смерти. К этому прибавляется стихотворение, посвященное Милошу, написанное как бы в милошевской поэтике (и с мыслью о нем) и описывающее остров Готланд. Есть также воспоминания и выписки из моего дневника. Они не охватывают всего, что я помню и хотел бы сказать о поэте, но, пожалуй, обладают некоторой документальной ценностью. Говорю, разумеется, только о своей части книги.

Благодарю всех, кто содействовал появлению книги, прежде всего Барбару Торунчик и редакцию «Зешитов литерацких», с которой я сотрудничаю с первого номера этого журнала.

Cz. Miłosz, T. Venclova, Powrót do Litwy, Zeszyty Literackie, Warszawa 2011.

---

1. От переводчика: Русский язык, кажется, единственный сохранил две формы: литовец и литвин. Автор, пишущий здесь по-польски, естественно употребляет везде польское слово *litwin*, означающее как литовца, так и «литовского поляка» или даже «поляка-литовца». Переводя, я решилась вводить обе русские формы, так же как делала это при переводе статей Милоша, вошедших в книгу «Мой Милош» (некоторые из них есть и в рассматриваемой книге). — НГ.
2. О «краёвцах» Венцлова пишет в статье «Поэт обоих народов»: “Так называемые «краёвцы»: Людвик Абрамович, Михал Рёмер и другие — еще до Первой Мировой войны мечтали о воскрешении былой Литвы, то есть балто-славянского Великого Княжества, вероятно, в федерации с Польшей, но сохраняющего свой национальный облик и своеобразный характер. Группа «краёвцев» во времена Милоша не лишена была влияния — в этом ее поддерживала местная традиция, согласно которой граждан Великого Княжества считали духовно богаче, чем жителей «Короны» — Варшавы или Кракова”. — НГ

ЛИТВА И ВИЛЬНЮС, МИЛОШ И ВЕНЦЛОВА: ПОЛИЛОГ

Мы трава под косой судьбины,
Нас умчало вдаль от корней,
От земли, где дремлют руины,
Где она, а не память о ней.
И, ослепнув, отыщем путь,
Чтоб у ног ее прикорнуть.

Казис Брадунас. По пути.

Автор строк, взятых в эпиграф (цит. по кн.: Георгий Ефремов. В начале — муравей. Избранные переводы из литовской поэзии. М.: Пробел-2000, 2012), в 1995 году вернулся из американского изгнания в родной Вильнюс. «Возвращения в Литву», общая книга Милоша и Венцловы, — свидетельства двух эпох: изгнания, где Литва была лишь «памятью о ней», и обретенного пути возврата. В дружбе двух поэтов, продолжавшейся почти 30 лет, до смерти старшего, — не только стихи и взаимные переводы (составляющие важную часть рецензируемой книги); едва ли не на первом месте была их общая родина.

Когда Томас привез известие, что дома, где я родился,
нету,

Ни аллея, ни сбегавшего к берегу парка, ничего,

Мне приснился сон возврата. Счастливый. Яркий. И я
летал.

Деревья были даже выше, чем как в детстве, они
подросли за время, что уж не было их.

Утрата родимых околиц и родины,

Блужданье всю жизнь среди чуждых народов,

Да это ж

Всего лишь романтично, то есть выносимо.

Чеслав Милош. Особая тетрадь: Звезда
Полынь. (Пер. мой)

«Томас привез известие»... В 1977 году Томас прибыл в Америку, в эмиграцию (формально не в эмиграцию, с советским паспортом, но гражданства его очень быстро лишили «за деятельность, несовместимую со званием советского гражданина»). Заметим, что приглашения из американских университетов были обеспечены ему стараниями Милоша (о чем и он, и Милош рассказывают в книге — в частности, приводится посвященная этому переписка Милоша с Ежи Гедройцем). Несколько внушительных приглашений, возможно, повлияли на принятое властями решение дилеммы: куда отправлять Томаса Венцлову, члена-учредителя Литовской Хельсинкской группы, — на Запад или на Восток?

Но еще в мае 1973 года Милош напечатал в «Культуре» свой перевод стихотворения Венцловы «Разговор зимой». В позднейшем (1979) послесловии «От переводчика» Милош, в частности, писал о встрече с Иосифом Бродским в Беркли, которая стала началом их дружбы:

«Бродский рассказывал мне о Вильнюсе, в котором он однажды побывал и который считал самым культурным из городов в границах советского государства. Свое лестное мнение о литовцах он выразил достаточно типично для независимо мыслящих русских его покая: «Литовцы — это самая хорошая нация в империи» [эти слова Милош приводит в польском переводе и в русском оригинале]. От него же я впервые услышал о молодом литовском поэте, особо ценимом в Вильнюсе, по имени Томас Венцлова, и о его сборнике стихов «Знак речи». Это было в окрестностях Рождества 1972 года. Вскоре мне удалось раздобыть ксерокс этой книги...»

Правда, этот милошевский перевод стихов Томаса Венцловы так и остался единственным. В рецензируемой книге помещены еще его переводы стихов Казиса Боруты, о которых Венцлова упоминает в своем предисловии. За переводы Венцловы на польский после Милоша взялся (и, как всегда, с успехом) Станислав Баранчак, и одно стихотворение в его переводе нашло место в книге. Это посвященное Чеславу Милошу «*Economiam insulae*». И тут же мы находим перевод Венцловы из Милоша — знаменитое стихотворение «*Który skrzywdziłeś...*» (в моем переводе на русский — «Ты человека простого обидел...», существует еще несколько переводов).

Диалогом двух поэтов можно назвать всю книгу, включая и статью Венцловы памяти Милоша «Поэт обоих народов», известную читателям «Новой Польши» (и написанную по-польски), и ранее не публиковавшиеся выдержки из дневника Томаса. О дневнике автор пишет:

«Дневник я веду уже лет пятьдесят, причем стараюсь писать каждый день. Он главным образом фактографичен. (...)

Многие записи в дневнике касаются Чеслава Милоша. Привожу часть их за последние восемь лет жизни поэта, между смертью Иосифа Бродского (январь 1996) и похоронами самого Милоша (август 2004). Мы виделись не слишком часто, живя на противоположных побережьях Америки, но звонили друг другу, иногда встречались в Вильнюсе, Кракове или еще где-нибудь. Большинство слов Милоша я записывал в дневнике по-польски, хотя веду его по-литовски...»

Да, со смерти Бродского и прощания с ним в Нью-Йорке эти записи начинаются, но имя его возвращается и дальше — дружба втроем так и не окончилась. Вот Милош и Венцлова встречаются в Вильнюсе, где участвуют в большом вечере памяти русского поэта (июль 1996). А вот встреча в Варшаве, на конгрессе ПЕН-Клуба. Вечером в гостинице (16 июня 1998) Томас показывает Милошу литовскую книгу стихов Бродского с его рисунками. Глядя на один из них, Милош говорит: «Эта рыба похожа на Пушкина и Бродского одновременно». (Отвлекаясь от Бродского, отмечу сказанное в тот же вечер Милошем «Да конечно же!» в ответ на вопрос Венцловы, правда ли, что он считает Юзефа Мацкевича самым умным поляком всех времен.) И снова Вильнюс, 2 октября 2000, открытие мемориальной доски на доме, где останавливался Бродский в свой приезд.

Литва, как мы видим в дневнике, нередко становится темой их разговоров: литовский и польский тип религиозности, литовский и польский (увы!) национализм. Но Литва — и тема их публичных выступлений, как, например, приведенная в книге статья Милоша «О польско-литовском конфликте» (1988, русский перевод см. в моей книге «Мой Милош»). Самый знаменитый и хорошо известный русскому читателю пример прямого публичного диалога — это, конечно, «Разговоры о Вильнюсе», напечатанные в парижской «Культуре», переведенные на русский А.Израилевич под заглавием «Вильнюс как форма духовной жизни». Этот текст, напечатанный в журнале «Старое литературное обозрение» — 2001. №1 (277) — много раз воспроизведен в интернете. Отметим, что в том же номере журнала, раздел которого

озаглавлен «Чеслав Милош — Томас Венцлова: Диалог о Восточной Европе», мы находим по-русски один текст, вошедший в рецензируемую книгу, — статью Томаса Венцловы «Отчаяние и благодать» (переводчик не указан, и не исключено, что перевел ее на русский сам автор).

Эта статья начинается словами:

«Да простит меня читатель, если я начну разговор о Чеславе Милоше с личных воспоминаний. Мне случилось прожить почти всю сознательную жизнь в том городе, где Милош провел молодость и стал поэтом. Мы даже кончили — с разницей в четверть столетия — один и тот же университет: он был польским, позднее — литовским и советизированным, но сохранились его здания, а вместе с ними тот запах традиции, который, как ни странно, иногда переживает все исторические катастрофы. Сам город — один из прекраснейших, а то и прекраснейший в Восточной Европе. Милош назвал его “городом облаков, имеющих сходство с барочной архитектурой, и барочной архитектуры, подобной сгустившимся облакам”. Холмы там почти такие же, как в Беркли, где Милош сейчас живет и работает, но они зеленее и влажнее. У города три имени: литовцы называют его Вильнюс (Vilnius), поляки Вильно (Wilno), русские раньше называли Вильна (Vilna)».

Этому городу Томас Венцлова посвятил отдельную книгу. Вышедшая уже на нескольких языках, она наконец появилась и по-русски, в отличном переводе Марии Чепайтите.

Тут я не могу не сказать, что своей любовью к этому городу я обязана Томасу. Прибыв автостопом в Вильнюс в четыре часа утра (начало июня 1967), я позвонила Томасу, безжалостно его разбудив, и несколько часов он показывал мне город на рассвете: на такси мы поднялись на Крестовую гору, пешком исходили университетские дворики... А когда стало совсем светло, приземлились в каком-то кафе. (В кафе мы сидели и почти десять лет спустя — в феврале 1977, в Париже. И в какой-то момент Томас почти неуверенно спросил меня: «А правда, Париж похож на Вильнюс?» — и я радостно подтвердила.)

Книга Томаса Венцловы «Вильнюс» — это, конечно, нечто большее, чем прогулка по городу на рассвете, даже нечто большее, чем просто путеводитель (кстати, путеводитель по Вильнюсу Венцловы тоже существует на многих языках). Это и история города — «in civitate nostra Vilna» поставлено на первом письме Гедимины (1323), когда «ни на одной карте такого города

еще не было». И «истории» внутри этой истории. И его топография и архитектура:

«...сеть улиц осталась чисто средневековой. Всё тут тесно, хаотично и замкнуто (...). Если улица прямее других, она обязательно идет в гору, а если она лежит на плоскости, то остается кривой — стоя в одном конце улицы, никогда не увидишь другого. Мощеные камнем изгибы часто бывают пустыми, как на картинах Кирико или Бюффе, но без их неуютной геометрии. (...) Узкие тротуары, укромные ниши в стенах, волнистые поверхности, ренессансные аркады, тихие скромные костелы, такие, как св. Николай или костел добрых братьев — бонифратров, порою сочетания грандиозных массивов, таких, как Доминиканский костел с его монастырем, всё это напоминает города Италии или Далмации, а иногда и Прагу (...).

Архитектура формирует пространство, а пространство формирует человеческую жизнь и самих людей. Вильнюс — контрастный, очень театральный город; его “бесчисленные ангелы на кровлях бесчисленных костелов”, упомянутые Иосифом Бродским, видны на фронтонах, еще больше их в алтарях, все они живо жестикулируют, составляют группы и мизансцены, иногда кажется, что между них затесались и настоящие небесные посланники».

И, конечно, вкрапленные в текст личные воспоминания: об университете, о созревавших среди молодежи («поколения 56 го года», по определению Бродского) антикоммунистических настроениях.

«Всё, что было дальше, было нашей частной войной с режимом, иногда не очень заметной, иногда обостряющейся».

И далее Томас рассказывает о создании Литовской Хельсинкской группы — третьей после Московской и Украинской.

Но и там, где нет прямых воспоминаний, мы наталкиваемся на личный взгляд нашего современника:

«Осенью 1823 года Мицкевич и его друзья оказались в тюрьме — бывшем храме униатов у самых Остробрамских ворот.

Это заключение пошло на пользу мировой литературе, как позже заключение Достоевского или Солженицына».

И, разумеется, несколько страниц посвящены Милошу и его окружению:

«Городу было суждено еще раз вырастить поэта обоих народов, который стал связующим звеном между литовцами и поляками, так же, как Мицкевич. (...)

В Вильнюсе двадцатого века Милош чувствовал себя почти филоматом, только бунтовал он не против царской России, а против провинциального духа и официальной идеологии. (...) При этом Милош проникся идеями краёвцев и стал их сторонником, со временем даже начал называть себя последним гражданином Великого княжества».

Хочу закончить свою рецензию (ибо пора закругляться, а то обе книги можно цитировать до бесконечности) цитатой из вышеупомянутого номера «Старого литературного обозрения», из статьи Сергиуша Стерны-Ваховяка «Фигуры времени» (сокр. пер. с польского Бориса Горобца):

«“Дорогой Томас! Два поэта, литовец и поляк, выросли в одном и том же городе. Пожалуй, этого достаточно, чтобы они беседовали о своем городе — даже в печати”. Это слова из прекрасного очерка “К Томасу Венцлове”, которыми вильнюсский земляк, Чеслав Милош, приветствовал Венцлову в Беркли в 1978 году. Тогда же Венцлова поименовал творчество Милоша, в частности, его поэму “Где солнце восходит и куда исчезает” (1974), полилогом культур. (...) В качестве неологизма “полилог культур” может быть отнесен и к самому Милошу — почитателю поликультурности, полиэтничности, любителю словесности, филологу — с его тягой к разнородным, многословарным, полифоничным логосам. Прошли годы, и ныне можно подтверждать и множить доказательства того, что полилогом стал и сам Венцлова».

Czesław Miłosz, Tomas Venclova. *Powroty do Litwy. Wybrała, opracowała i ułożyła w tom Barbara Toruńczyk, współpraca Mikołaj Nowak-Rogoziński*. [Warszawa]: Zeszyty literackie, [2011].

Томас Венцлова. *Вильнюс: город в Европе*. Пер. с литовского Марии Ченайтуте. СПб: Изд во Ивана Лимбаха, 2012. (Studia Europea).

ЯЦЕК КУРОНЬ И ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОЕ ПРИМИРЕНИЕ

Результатом этой чрезвычайно важной встречи польских и украинских интеллектуалов, о которой я расскажу чуть позже, стал совместно выработанный документ под названием «Львовская декларация», в котором упоминаются три замечательных человека, выступавших поборниками польско-украинского диалога: Ежи Гедройц, Папа Римский Иоанн Павел II и Яцек Куронь. Документ подписали участники семинара «Украина и Польша в современном мире», которые буквально накануне, 6 июля, принимали участие в открытии мемориальной доски на доме, где родился Яцек Куронь, а затем возложили цветы на Лычаковском кладбище к памятнику Сечевым стрельцам и к памятнику Львовским орлятам.

Главным героем встречи несомненно был Яцек Куронь, но чувствовалось на ней и незримое присутствие Ежи Гедройца. Это он, ещё в 1952 году писал: «Польша может обрести и сохранить независимость только в Европе, объединенной на федеративных началах. Мы подчеркиваем, что право войти в будущий европейский федеративный союз имеют не только те народы, чьи государства были независимыми в 1939 году, но также украинцы и белорусы. Ввиду опасности, которую несёт в себе российский империализм сейчас и в будущем, для Польши создание независимой Украины и её участие в европейском федеративном союзе — вопрос первостепенной важности».

Именно на страницах парижской «Культуры» печатались статьи Юлиуша Меровского, посвященные, в частности, проблеме отношения Польши к трём восточным соседям: Украине, Литве и Белоруссии. Тексты Меровского, в которых он комментировал тогдашние отношения на международной арене, одновременно были интерпретацией концепции УЛБ, которую он развивал, а Гедройц пропагандировал. Эта концепция в значительной мере отражала и характеризовала политическое мышление эмигрантского центра в Мезон-Лаффите, противостоявшее историческому фатализму. Общая для поляков и украинцев история, наполненная взаимными актами нетерпимости и агрессии, переросла во взаимоотношения враждебности, затруднявшие согласие между двумя народами. Одним из способов, который помогал

полякам и украинцам преодолеть сложные исторические испытания, стало распространение «Культурой» и Институтом лите́рацким произведе́ний украинских писателей. В числе книг, которые были изданы Институтом, следует отметить антологию текстов украинских писателей «Украина 1956–1968». Переводчик книги Юзеф Лободовский писал: «Настоящий сборник, в котором освещается борьба украинского народа за минимум свободы и правды, для многих читателей наверняка станет открытием, ибо как в Польше, так и в эмиграции об этом знают очень мало». Особого внимания заслуживает публикация на украинском языке антологии Юрия Лавриненко «Расстрелянное возрождение». В антологию вошли стихотворения, эссе и драматические произведения украинских писателей, убитых в 30-е годы.

В 1977 г. в «Культуре» была опубликована «Декларация по украинскому вопросу», подписанная польскими, русскими, чешскими и венгерскими эмигрантами. Подписали её редакторы издававшихся в эмиграции журналов: Владимир Максимов (ежеквартальный журнал «Континент»), Павел Тигрид (ежеквартальный журнал «Сведецтви»), Тибор Мераи (литературный журнал «Иродалми уйшаг»). В декларации затрагивалась тема независимости Украины, а также других народов, входивших в состав восточного блока: «(...) мы стремимся к такой ситуации, когда украинцы смогут свободно высказаться, хотят ли они независимое государство (...) Поляки, чехи или венгры не могут быть по-настоящему свободными, пока не будут свободны украинцы, белорусы или литовцы. А в конечном счете и русские». «Культура» призывала согласиться с границами, установленными по решению Ялтинской конференции. Поляки должны отказаться от своих претензий на территории так называемого Междуморья и признать право литовцев на Вильнюс (Вильно) и право украинцев на Львов.

Переломным событием в процессе польско-украинского примирения стало паломничество Папы Иоанна Павла II на Украину в 2001 году. 26 июня во Львове во время беатификационной мессы, Иоанн Павел II обратился к полякам и украинцам с такими словами: «Пусть прощение — дарованное и полученное — разольется, словно целебный бальзам, в каждом сердце. Пусть благодаря очищению исторической памяти все будут готовы поставить выше то, что объединяет, а не то, что разделяет, чтобы вместе строить будущее, основанное на взаимном уважении, на братском сотрудничестве и истинной солидарности». Прошло меньше года, и 1 ноября 2002 г. по инициативе Яцека Куроня поляки и

украинцы пришли на Лычаковское кладбище, чтобы вместе помолиться за Сечевых стрелцов и Львовских орлят. За тех, которые в 1918 году сражались друг против друга за Львов.

Яцек Куронь был родом из Львова. Он вспоминал: «Мне тогда было года четыре, может, пять, это было ещё до войны. В львовском Большом театре давали спектакль «О тех, кто украл луну». И вот, когда колдун начал запихивать Яцека и Плацека в мешок, я с криком сорвался с места и бросился на сцену, чтобы спасти их. Я помню тот парализующий страх и ту невероятную силу, которая помогала мне с ним справиться. Я кричал, чтобы заглушить в себе этот страх.

Я выбежал на сцену. Я был уже возле колдуна, видел его лицо — кошмар. Ревущего меня вынесли на руках со сцены в фойе, где сидела бабушка. Билетерши утешали меня, что с теми мальчиками все будет хорошо. А я всё отчаянно плакал и никак не мог успокоиться.

Я начал с того события, которое считаю величайшим достижением своей жизни. Всё, что я делал после этого — лишь повторение того поступка».

Именно с этого фрагмента начинается «Вера и вина» и одновременно — обширное автобиографическое повествование Яцека Куроня.

Чем был для него Львов? Местом рождения, которое он называл своей малой родиной. По его собственным словам, он всегда чувствовал себя немного поляком, немного украинцем. Львов был для него местом встречи, где польское смешивалось с украинским, где происходило взаимопроникновение и наложение этнических стихий, причем каждая из них могла сохранять собственную идентичность, а также политическую автономию и суверенность.

Яцек Куронь прекрасно понимал, что общие, одинаково близкие полякам и украинцам вопросы могут стать как пространством диалога и обмена мыслями, совместным полем деятельности, так и очагом конфликтов. А взаимное непонимание и нарастающее чувство отчужденности может перерасти во взаимную неприязнь или принять форму крайнего шовинизма.

Это знание пришло к нему благодаря семейным рассказам, связанным главным образом с дедом и отцом, которые, будучи сторонниками идей ППС, вставали на сторону обиженных, поддерживали стремление украинцев к независимости и

критически относились к операциям по ассимиляции, проводившимся во времена Второй Речи Посполитой. Ему была хорошо знакома и сохранившаяся в семье матери легенда о дедушке, который в 1918 году сражался за польский Львов. Он понимал, что события, происходившие во время Второй мировой войны — сначала резня на Волыни в 1943-1944 гг., а потом кровавые акции по усмирению украинских сёл, организованные польскими отрядами, связанными с подпольем АК, — потребуют от обеих сторон постижения трудного искусства говорить о темных сторонах общей истории, а также все новых попыток достичь примирения.

6 и 7 июля 2012 г. Львов, где 78 лет назад родился один из ведущих польских оппозиционеров, деятель КОР (Комитета защиты рабочих), позднее «Солидарности», а также — уже в демократической Польше — дважды министр труда и социальной политики, стал местом встречи поляков и украинцев. В эти дни они попытались совместно задуматься о нынешнем состоянии отношений между Польшей и Украиной. Два дня торжественных мероприятий сопровождалось не только символическими жестами примирения. Участники семинара обсуждали и то, в каком направлении движутся Польша и Украина. Можем ли мы преодолеть взаимные предубеждения? Научились ли свободно говорить о нашей общей истории, которая очень долго замалчивалась обеими сторонами, постоянно становилась болевой точкой, причиной всевозможных споров, не исключая фальсификаций.

6 июля торжества открывали генеральный консул Польши во Львове Ярослав Дрозд и мэр Львова Андрей Садовый. Присутствовали также друзья Яцека времён оппозиции, периода деятельности в КОР, а затем и в «Солидарности»: Генрик Вуец, Ян Литинский, Адам Михник, Северин Блюмштайн, родные и все те, в чьей памяти Яцек остаётся «мудрым человеком, посланным милостью Божьей» (Андрей Садовый).

Ярослав Дрозд назвал это событие «торжеством дружбы». Напомнил он и о важности вклада, который Яцек Куронь внёс в процесс формирования идеи «стратегического польско-украинского партнерства», поставив Куроня в один ряд с Ежи Гедройцем, чьи заслуги в решении проблемы политического сближения между Польшей и Украиной трудно переоценить.

Адам Михник, сказав, что «Яцек был патриотом, поскольку был врагом всех националистических болезней», дал четкое определение того, как Куронь понимал патриотизм. Он говорил о неприязни Яцека к шовинизму и ксенофобии, которые, как

он добавил, «представляют смертельную болезнь для всего нашего региона».

К мемориальной доске Яцека Куроня, которую открывали Мирослав Маринович, бывший диссидент, а ныне ректор Львовского католического университета, Данута Куронь, Анджей Куронь и Андрей Садовый, были возложены цветы от администрации Львова и польского Сейма, от представителей района Варшавы Жолибож и ЛКУ.

Потом настало время совместной молитвы и возложения венков на Лычаковском кладбище к памятникам Сечевым стрельцам и Львовским орлятам. Молитва совершалась в память о польско-украинской встрече, состоявшейся почти 10 лет назад, 1 ноября 2002 г., когда Яцек Куронь и греко-католический кардинал Любомир Гузар встретились в том месте, которое долгое время оставалось спорной территорией памяти. Для украинцев кладбище Львовских орлят было своеобразным мавзолеем польскости, ибо там покоились останки жертв польско-украинской войны за Львов 1918 года. Только после «оранжевой революции», когда взаимоотношения несколько улучшились, украинцы решили открыть кладбище для поляков, но Яцек Куронь, к сожалению, до этого уже не дожил.

7 июля, после того как была открыта мемориальная доска Яцека Куроня, состоялся семинар «Украина и Польша в современном мире». Модератором дискуссии был Петр Тыма, председатель Союза украинцев в Польше. Участие приняли: кардинал Любомир Гузар, Данута Куронь, Адам Михник, Мирослав Маринович, Анджей Фришке, Изабелла Груслинская, Леонид Финберг, Тарас Возняк, Славомир Сераковский, Павел Коваль, Юрий Макаров, Виталий Портников, Богумила Бердыховская, Ярослав Грицак. Комментировали выступления: с польской стороны — Мирослав Чех, а с украинской — Николай Княжицкий.

Семинар состоял из двух частей. В первой, названной «Яцек Куронь: понять украинцев», выступающие попытались отразить взгляд Куроня на польско-украинские отношения, а восстанавливая его биографию, искали истоки его интереса к украинскому вопросу. В перерыве между выступлениями был показан документальный фильм Лешека Скузы «Примирение» о последнем пребывании Яцека во Львове, во время торжеств 2002 года.

«Украинский вопрос был для Яцека чем-то вроде навязчивой идеи, чем-то, что выходит за рамки нормального

политического и аксиологического мышления. Для него украинский вопрос был личным делом», — сказал Адам Михник, считающий Яцека Куроня одним из авторов идеи польско-украинского примирения, подобно Иоанну Павлу II. Оба нашли в себе смелость противостоять фальсифицированию истории, как с польской, так и с украинской стороны.

Данута Куронь напомнила, почему украинский вопрос был для Яцека делом личным: «Он рассказывал, что отец взял его, четырехлетнего мальчишку, в украинское село, где польские войска и полиция проводили карательную операцию. Яцек рассказывал о молоке, вылитом в канавы, о разгромленных магазинах, о домах, которые уничтожали вместе со всем имуществом, о девушках, повешенных за ноги, об унижениях, которым подвергали мужчин. Он говорил об этом со сдвинутым горлом, словно видел всё своими глазами. А ведь он не мог этого видеть: самые масштабные карательные операции в украинских селах происходили до его рождения. Уничтожаемая армией, полицией, чиновниками, выстраданная народом идея свободы, самоорганизации и независимости общества, приобретала в глазах ребёнка значение святого дела и в будущем стала для него программной мыслью, последовательно воплощаемой в жизнь».

О том, насколько важную роль в формировании мировоззренческой позиции Яцека Куроня, его идейной базы, сыграли близкие ему люди, говорил Анджей Фришке: «Если учесть общий семейный уклад, традиции, систему ценностей, в которой формировался и рос Яцек Куронь, то нелишне будет вспомнить и о традициях польского социалистического движения, о польской традиции борьбы за свободу и независимость, о революционной традиции до 1918 г., а особенно 1905 года. Именно потому, что это и есть история семьи».

Завершая первую часть дискуссии, Изабелла Груслинская и Леонид Финберг представили украинский перевод книги Яцека Куроня «Поляки и украинцы. Трудный диалог», напечатанный киевским издательством «Дух и литера». Книга включает впервые переведенные на украинский язык статьи Яцека Куроня, интервью, в которых он размышляет об общей истории поляков и украинцев, а также излагает свои мысли о необходимости польско-украинского диалога.

В ходе второй части семинара, носившей название «Украина, Польша: куда мы идём?», участники попытались ответить на вопрос, насколько слова Яцека Куроня, обращённые к украинцам в 2003 г., сохранили свою значимость в контексте

нынешнего польско-украинского диалога. Слова эти содержатся в Львовской декларации, подписанной участниками встречи.

Их процитировала в своем выступлении Богумила Бердыховская, которая представила свою оценку развития польско-украинских отношений за минувшие десять лет: «Последние годы продемонстрировали, что надежда, выраженная в этих словах, пока остается необоснованной». К подобному выводу пришел и кардинал Любомир Гузар, сожалеющий о том, что «мы спрятали голову в песок, ибо от этих надежд ничего не осталось». Причины такого положения, по мнению Бердыховской, можно усматривать в «явном снижении интереса к Украине со стороны польского общественного мнения». Польша, достигнув поставленных перед собой целей, став членом НАТО и Евросоюза, сосредоточилась на своей внутренней политике, а вопрос поддержки и развития польско-украинского диалога отодвинула на второй план.

Украинская сторона тоже продемонстрировала некоторую пассивность. Она не вполне оценила ту поддержку, которую оказали ей польское гражданское общество, политики, а также польское общественное мнение в период «оранжевой революции»: «Весьма престижная организация выпустила альбом о реакции мировой прессы на «оранжевую революцию». В этом альбоме содержалось множество текстов из разных СМИ и ни одного из польской прессы. Между тем две польские крупнейшие газеты «Выборча» и «Жечпосполита» больше всех на эту тему писали и даже подготовили приложения на украинском языке, которые распространялись в Киеве и Львове. Но об этом украинский читатель альбома не узнает». Кроме того, Богумила Бердыховская подчеркнула, что Польша была первой в мире страной, признавшей независимость Украины, в то время как украинские СМИ сообщали, что она была лишь одной из первых.

Ярослав Грицак пытался обратить внимание на то, что польско-украинский диалог зависит от перемен в мировоззрении, сопровождающих смену поколений. «Варшава есть, но она только одно из возможных мест», — говорил он, приводя мнение своих студентов. Для молодых украинцев более важными становятся Брюссель, Париж, Вашингтон и Нью-Йорк. С другой стороны, — и об этом сказал в своем комментарии к дискуссии Мирослав Чех, сославшись на выступление Виталия Портникова, — на Украине дело может дойти до бунта поколения отверженных. Это может быть бунт

поколения, социально маргинализованного, которое, встав в оппозицию к нынешним политическим структурам, возможно, станет инициатором политических, общественных и экономических перемен на Украине. Реальный шанс на то, чтобы выйти из тупика и оживить польско-украинские отношения, участники дискуссии видят в осуществлении совместных действий. Сумеют ли поляки и украинцы объединиться в общем понимании истории, станет ясно через год, когда будет отмечаться 70-я годовщина трагических событий на Волыни.

*

ЛЬВОВСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Мы, собравшиеся во Львове поляки и украинцы, участники торжественного открытия мемориальной доски в честь Яцека Куроня, чтим его память и воздаём должное наследию, которое он оставил. Яцек — как сам он говорил, без памяти влюбленный в Украину, — был сторонником примирения между нашими народами.

В начале 2003 года Яцек Куронь писал Мирославу Мариновичу: «И мы, и вы исповедуем Евангелие, в котором Иисус обращается — я верю в это — к каждому из нас: не ищи соринку в глазу ближнего, но ищи бревно в своём глазу. Мысль, будто заповеди Евангелия не распространяются на отношения между национальными сообществами, не соответствует христианству и противоречит евангельскому духу. Поэтому я говорю вам — уверен, что не только от своего имени: простите нас».

Мирослав Маринович ответил: «Друзья-поляки! Братья в нелегких странствиях путями Божьего Провидения! Простите нас так, как умеют прощать христиане: из самых сокровенных глубин сердца своего, без оглядки на обстоятельства, не выдавливая прощение по капле, — простите с непоколебимой верой в то, что Бог с теми, кто прощает».

Слова эти были сказаны в канун 60-й годовщины антипольской операции Украинской повстанческой армии на Волыни.

Для польско-украинского примирения много сделали эмигрантские центры наших народов во главе с журналом «Культура» Ежи Гедройца, а также демократическая оппозиция в Польше и на Украине. Для президентов наших государств примирение стало краеугольным камнем политики в отношении соседнего народа. Огромный вклад внесли римско-

католическая Церковь в Польше и украинская греко-католическая Церковь, которые настоятельно призывал к активности Папа Иоанн Павел II.

Однако сегодня по обе стороны границы все громче звучат голоса тех кругов и людей, которые отвергают такой образ мышления и действия. Они оспаривают выводы историков, отрицают преступления и ответственность за них и руководства подполья и даже властей коммунистического государства.

Приближающаяся 70-я годовщина антипольской чистки на Волыни должна служить примирению, а не углублению предубеждений, разделяющих наши народы.

Мы, поляки и украинцы, собравшиеся во Львове, чтобы почтить память Яцека Куроня, обещаем сделать все возможное, чтобы в годовщину великой трагедии поляков прозвучала правда, а убиенные были помянуты. Точно так же следует говорить правду об украинских жертвах и чтить их память.

Мы прекрасно понимаем, что хорошие отношения между нашими народами не удастся выстроить без преодоления истории. Памятуя о заслугах Яцека Куроня, мы приложим все усилия, чтобы польско-украинское примирение стало свершившимся фактом.

Мы обращаемся к лидерам гражданского общества по обе стороны границы с призывом поддержать эти усилия и организовать ряд мероприятий, которые помогут углубить наш диалог. В свете задач, стоящих перед нашей частью Европы, лозунг «нет свободной Польши без свободной Украины» приобретает новый смысл: он означает ответственность за будущее наших стран и всей Европы. Мы должны осознавать лежащую на нас ответственность и использовать имеющиеся у нас возможности.

Львов, 7 июля 2012

СОЛНЕЧНОЕ ПЯТНО

Рядом был отец. Он держал меня за руку, разговаривая с какими-то людьми, а мать — да, мама тоже там была, — я же всматривался в большое светлое пятно, которое качалось на шершавой стене дома. Должно быть, я ужасно скучал, если это солнечное пятно так меня заинтересовало, а может, и в самом деле оно было необычное. Светлое пятно на серой стене — это было первое, что я помню. С этого-то момента я сознаю, что существую.

Эта сцена запечатлелась во мне, как кадр внезапно остановившегося фильма. Мне кажется, уже тогда я знал, где мы находимся: на базаре между Новолипьем и Лешно. Должно быть, была суббота, потому что вокруг было пусто, лавки закрыты. Да, точно была суббота (думаю я сегодня, когда об этом пишу), потому что иначе откуда бы там взялся отец: в любой другой день на такую прогулку у него не было бы времени. А если суббота, значит, мы шли через базар к бабушке на Сольную (этой улицы уже нет). Было холодно, на мне пальтишко, наверно осень (значит, мне около двух), солнечное пятно на серой шершавой штукатурке то большое, то маленькое, это, наверно, ветер гнал облака, между которыми открывались просветы на чистое небо. Я стоял лицом к Лешно, солнечный зайчик качался на стене справа от меня, сегодня я могу даже примерно определить, сколько было времени — одиннадцать, пожалуй, — всё сходится, мы шли к бабушке Хампель на чулент, а чулент всегда был в двенадцать.

А там, в квартире на Сольной, 9, будут щекотка дедушкиной бороды и влажные бабушкины поцелуи, которых ребенок не любит, ее восторги, после которых следовал душ из капелек слюны: «Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!» Очень странная была их квартира, совсем непохожая на нашу, входили в нее через кухню, где стояла кровать тети Сабины, крупной, грудастой девушки с нежно-молочной кожей, а потом была длинная комната, только одна, и я на самом деле не знаю, каким чудом всё там помещалось: круглый, при необходимости раздвигавшийся стол, стулья, буфет, шкафы, комод, а главное, две деревянные кровати, стоявшие вдоль стены изголовьями друг к другу; видимо, их так поставили для приличия, я видел так же поставленные кровати и в некоторых других еврейских домах, где хозяева были уже пожилыми людьми; наверно,

было бы не слишком пристойно, чтобы дед и бабушка спали рядом. Из комнаты был выход на балкон, где я чувствовал себя не очень уверенно. Мы жили на четвертом этаже, а бабушка с дедушкой на втором, поэтому их балкон был ближе к земле, чем наш, и я так ощущал, будто земля ко мне подплывает. То, что на балконе второго этажа мне было не по себе, и на пятом у Басюков я тоже чувствовал себя странно, и только у нас на четвертом этаже все было как надо, свидетельствует о том, что страх ребенка вызывает не столько высота, сколько непривычность обстановки. У нас всё всегда так, как должно быть, а если у соседей по-другому — в кухне, за столом или в спальне, — то это кажется странным. Каким-то неправильным.

Нужно сказать — не опасаясь обвинений в мегаломании, — что с того субботнего утра на базаре существую не только я, существует весь мир. Ведь раз мы пребываем в небытии, то и мир пребывает в небытии. Никогда бы этот мир не стал реальностью, если бы я не родился. Даже подумать страшно. Мы можем простить миру, что он будет продолжаться без нас, мы даже хотим, чтобы он продолжался (и сохранил о нас хоть какую-то память), но иногда сложнее простить миру, что он так долго равнодушен был к тому, что нас не было.

Моя мама вообще не переживала из-за того, что мир без меня не существует — она считала, что еще как существует, раз есть она — у нее уже было трое детей, и когда она опять забеременела, то ни чуточки не обрадовалась. Она прыгала со стола — как рассказывала мне позднее, — чтобы от меня избавиться, но ничего не получилось, я крепко держался за жизнь. Мир твердо решил возникнуть благодаря мне.

Мама была большой любительницей театра, и в театре-то у нее начались схватки. Ее отвезли на извозчике домой, позвали акушерку, пани Басюк, которая жила над нами — и таким образом ночью с 7 на 8 ноября 1923 года на свете появился я. Лишь много лет спустя, уже после войны, когда в Польше правили марксисты, я узнал, что родился под знаком Скорпиона и что это должно влиять на мою судьбу и характер. В нашем окружении знаки зодиака никого не интересовали. Зато говорили, что, раз я родился со вторника на среду, должен быть умным и богатым. На поверку вышло не совсем так.

Пани Басюк, высокая, худая как палка, энергичная женщина еще неоднократно спускалась к нам, чтобы помочь роженице, потому что, к примеру, тетя Сабина, когда вышла замуж, у нас рожала Галочку, а потом Марека. Тетя любила покричать, вот и орала нам через стенку: «Пойте псалмы! Мальчики, ради Бога, псалмы!» Потом нашей любимой игрой, моей и старшего брата,

была игра в роды, он вопил, а я пел псалмы собственного сочинения.

У меня было две старших сестры, ну и этот брат, поэтому родители обрадовались появлению второго сына. Люди им завидовали, что так удачно получилось, по паре, но вообще то считалось, что иначе и быть не могло, потому что в нашем доме на Новолипье, 53 рождались одни мальчики. (Сестры появились на свет, когда родители жили в другом месте.) У Конов было три сына, у Гориных — три, у Розенкеро́в — три, у Кацев — целых четыре; с первого до шестого этажа одни мальчики, у Кшижевских, с пятого этажа, была, правда, кроме двух удачных сыновей еще и красавица-дочь, которая сделала блестящую карьеру — вышла замуж за полковника, при этом она вовсе не стеснялась приходить вместе с ним к своему отцу-сапожнику, но она, так же как и мои сестры, родилась не в этом доме.

Спустя восемь дней после моего рождения родители, как велит обычай, устроили праздник по поводу обрезания мальчика. Все ели и пили, радуясь, что мир еще раз призвали к жизни, но меня в позднейших рассказах мамы больше всего интересовало то, что среди гостей разбрасывали конфеты. «А мне оставили?» — выпрашивал я. Конечно, оставили. Я искал в буфете эти свои конфеты, но там не было и следа. Оказывается, никто про меня и не подумал. И долго я еще обижался, что во время этого бала чужих детей угощали конфетами, а мне не досталось. А самое странное в этом всем было то, что к конфетам я, в общем-то, равнодушен.

Мой брат Ипполит, старше меня на три года, шутник и проказник, любил подразнивать маму: «А я маму на свою свадьбу не приглашу». Мама немного расстраивалась, жаловалась, что мальчик растет неблагодарный, никакого уважения к родителям, наконец, как-то спокойно спросила: «Почему?» — «Потому что мама меня на свою не пригласила». Вот точно как с этими конфетами. Мама действительно не была на его свадьбе, брат после лагеря в Рыбинске пропал где-то в России — не знаю, что с ним стало, — а мама во время войны была в варшавском гетто. Может не стоит так шутить?...

А тех детей, что родились у нашей детской, Галочку и Марека — удачные были детки, красивые, — их обоих вывезли в Треблинку.

Пан Бальбус и пан Доктор

Нас, детей, болезнь вовсе не пугала. Благодаря ей мы становились ужасно важными. Конечно, ничего приятного —

температура, рвота, боль уха или за ушами, если свинка, страшное исследование горла при помощи ложки — но все эти страдания того стоили, потому что родители переживали и обращались к тебе с нежностью. Когда я болел, то важным был я, а брат должен был вести себя как следует, а когда болел он, то он становился важным, а я был уже не в счет. Тот, что был здоров, завидовал больному и говорил: смотрите, какой важный.

Когда кому-то случалось заболеть, вызывали домашнего фельдшера — пана Бальбуса, в которого мама верила больше, чем в сотню докторов. Это был толстый, сопящий человек с бородкой, похожей на ту, что носил белогвардейский генерал, певший иногда во дворе. Пан Бальбус (старший фельдшер, такой был его полный титул) мерил больному пульс, открывал крышку больших часов, висевших у него на животе на цепочке, и почти бесшумно считал. Все знали, что это такой розыгрыш, потому что никакого пульса нет, только доктора притворяются, чтобы обмануть больных, и старший фельдшер Бальбус, хотя и честный человек, тоже должен притворяться. Потом начиналось простукивание, прослушивание, ложечку, пожалуйста, скажи «а а а», шире рот, еще раз «а а а», так, горло заложено. Потом пан Бальбус сосредоточенно думал, а мама не сводила с него восхищенных глаз. Пан Бальбус предписывал растирание, полоскание горла, иногда банки и наконец, хмуря мохнатые брови, выписывал рецепт, к которому прикладывал старательно разогретую дыханием печать со своей фамилией. Лекарство! От одной мысли о том, что меня ждет, меня начинало подташнивать. Пять раз в день по столовой ложке. Тошнота подступала к самому горлу. Так, думал я, надо будет немного поскандалить, чтобы это была чайная ложечка. С рецептом надо было бежать на Кармелитскую, потому что, когда я был маленький, на Новолипье еще не было аптеки. Только за несколько лет до войны открыли отделанную ореховым деревом аптеку, над входом в которую висела зеленая неоновая вывеска, и это была единственная неоновая подсветка на нашей улице, поэтому ее было видно издалека, она завораживала и была предметом нашей гордости. Аптекаря, усатого сармата, дети немного боялись, потому что строгим голосом он велел сохранять тишину, как только кто-то забывался, и действительно в этой аптеке было так тихо, что становилось не по себе, как будто вот-вот кто-то должен умереть.

Вначале пан Бальбус приговаривал больного к голоданию. Спустя два-три дня он приходил опять, вновь что-то комбинировал с этим якобы пульсом, заглядывал в горло,

сообщал, что уже лучше и позволял дать немного куриного бульона с яйцом (называлось это «грибок на бульоне»), толченую картошку с маслом, можно с простоквашей. Никакого мяса, ничего жареного. Потом булочку с овсяной кашей. Послезавтра можете дать ему куриное крылышко. Никто не смел изменить хоть что-нибудь в предписаниях пана Бальбуса, тем более что его лечение действительно помогало. Для меня любая температура была так сильно связана со строгой диетой, что, когда в школьном лагере в Кростенько мне, больному ангиной, принесли холодец из свиных ножек, я воспринял это как возмутительное пренебрежение к моему здоровью. Однако съел, поддавшись уговорам Нины, черноглазой дочки заведующей лагерем, студентки Львовской консерватории, которая пользовалась огромным авторитетом, потому что была хороша собой и чудесно играла нам ноктюрны Шопена... на дудочке. Вот я и съел, и ничего не случилось — и это подорвало мою веру в методы старшего фельдшера пана Бальбуса.

Но это было спустя пару добрых лет. А пока нужно было глотать отвратительную микстуру, прописанную мне фельдшером. Видимо, в ее составе был анис, потому что спустя годы я обнаружил вкус этого лекарства в обожаемом французами перно, которое я — к их удивлению — разумеется, терпеть не могу. И вот как кому объяснишь, что для меня это вкус детской ангины? За каждую выпитую ложечку я получал пять грошей, за «венский напиток», противнейшее на вкус слабительное, родителям приходилось платить двойную ставку, и, если счастье мне улыбалось и болезнь затягивалась, можно было заработать даже два злотых. Когда температура была высокая, отец открывал в ночном столике свою самую секретную полочку и давал мне поиграть с золотым портсигаром и другими ценными вещами, которых я уже не помню. А я обдумывал вопрос, что себе купить, когда выздоровею. Может, печатный станок, чтобы печатать книжки, которые сам напишу? (Потом у меня был такой станок, даже и недорогой, но складывать резиновые буквы в предложения приходилось часами, буквы выскальзывали и рассыпались по полу, пальцы были вымазаны тушью — словом, предприятие оказалось полной неудачей.) Когда я выздоравливал и переставал пить лекарства, мама обычно говорила: «Давай эти деньги мне на хранение», — а потом как-то так получалось, что они никогда ко мне не возвращались, то ли мама не могла их найти, то ли еще что...

Иногда болезнь была серьезнее, и тогда пан Бальбус, вздыхая, говорил: «Надо вызвать врача». О, лицо моей матери, когда старший фельдшер признавался в своем бессилии! Словно он

сказал: «Всё в руках Бога». Врача, которого вызывали, звали доктор Закс, это был худой, аскетического вида господин, слегка седой, с сосредоточенным взглядом из-под пенсне. Он мыл руки дольше, чем старший фельдшер, не улыбался и выдавал предписания, словно приказы, обращаясь при этом не к маме, а к пану Бальбусу. Его боялась даже мама, никогда не осмелившаяся спросить: «Сколько?» Впрочем, к чему эти вопросы, известно было, что гонорар — десять золотых плюс золотый за извозчика, и мама вручала эти деньги в прихожей, когда доктор уже выходил. Иначе обстояло дело с дорогим паном Бальбусом: можно было поторговаться. Иногда, если случай был серьезный, пан Бальбус брал пять золотых, иногда — если речь шла об обыкновенной простуде — два, а иногда, если была эпидемия гриппа и пан Бальбус разрывался между пациентами и приходил не из своего дома на Новолипье, а прямо от другого больного, надо было и ему вернуть за извозчика. Словом, пан Закс выглядел и вел себя как доктор, а пан Бальбус — как фельдшер. Похоже, что когда я был маленький, люди вообще выглядели так, как они должны были выглядеть. Так, как этого от них ожидали. Мальчики носили короткие штанишки или брюки-гольф до колен, девочки — плиссированные юбочки и косички с бантиками, в гимназии были гимнастерки, а потом чем ближе к аттестату зрелости, тем сильнее каждый спешил стать наконец взрослым, чтобы втиснуться в настоящий костюм, надеть лаковые туфли, галстук, запонки, шляпу или даже котелок, повесить на живот часы с цепочкой, ботинки с гетрами (во Львове их называли «гамашаи», тогда как в Варшаве гамашами называли штиблеты), отрастить усики, как только что-то пробьется над верхней губой. А уж отец семейства — вот кто прежде всего должен был выглядеть солидно, особенно если стоял за прилавком. Никто не старался выглядеть моложе, чем есть.

Дети из религиозных семей становились взрослыми раньше всех. Тринадцатилетнему мальчику устраивали бар-мицву, он должен был публично прочитать отрывок из Торы, а потом был праздник, и, если мальчик был из состоятельной семьи, его осчастливливали часами — это был подарок, означавший, что ты уже взрослый. С этого момента он имел право считать себя мужчиной, во всяком случае, если речь шла о самостоятельных молитвах. Он получал молитвенник (сидур) в бархатной оправе с вышитой на ней звездой Давида, и мог вести себя в синагоге так же, как любой другой молящийся мужчина. Качаться вправо и влево, назад и вперед, так, как это делали старые набожные евреи, так же как они можно было скороговоркой бормотать под носом строки менее важные для Господа Бога, а когда мы, младшие, хихикая, перешептывались или

беспокойно кружили между лавками, можно было с возмущением обернуться и, подражая отцу, унять нас суровым голосом: «Тихо! Ш ш ш, нехорошие дети!» Я думаю, что для мальчишки это была минута почти что счастья.

Я потом видел таких вот молодых стариков в Иерусалиме под Стеной Плача. Та же игра во взрослость, такое же самозабвенное погружение в эту игру. Рядом с горсточкой погруженных в молитву, одетых в традиционные черные одежды людей простиралась страна, пульсирующая мощной, невероятно современной жизнью. Я, впрочем, писал об этом по горячим следам, пытаюсь проникнуть в суть этого явления, уловить его смысл, понять, что я чувствую, когда вот так вот смотрю на них, то есть понять самого себя.

J. Hen, *Nowolipie. Najpiękniejsze lata*, Wydawnictwo Literackie, Kraków 2012.

ЧЕХОВ И ЛЮДИ ВАЛЬТОСЯ

Тот, кто впервые входит в мир чеховских драм — читая ли их или смотря на сцене, — уже недолго начинает испытывать нечто вроде со огорчения, разделяемого с их героями. Дело в том, что эти люди довольно жутко мучатся сами с собой — главным образом из-за совершенно нелогично и неразумно направленных чувств. Причина, по которой они оказались в нынешнем семейно-любовном раскладе, не всегда бывает рациональной, иногда она вытекает из отсутствия выбора, иногда — из мимолетного увлечения, вскоре оказывающегося ошибкой. Факт остается фактом: почти никто из них не доволен жизнью, которую устроил себе с тем или иным лицом. Это отлично сформулировал замечательный, уже покойный театральный критик Станислав Марчак-Оборский, резюмируя самоощущение героев «Чайки»: «Медведенко любит Машу, Маша любит Треплева. Треплев любит Нину, Нина любит Тригорина, Тригорин живет с Аркадиной. Вдобавок Полина Андреевна любит доктора Дорна, чувства которого уже угасли, а Сорин втихомолку вздыхает по Нине, но его никто не любит, так же как Медведенко и Шамаева. О чувствах Якова, Кухарки и Горничной ничего особо не известно».

Так и в остальных пьесах Чехова: «Платонове», «Иванове», «Трех сестрах», «Дяде Ване», «Вишневом саде». Количество записанной там эмоциональной путаницы и вытекающих из нее недоразумений, отчаянья, трагедий, комедий и глупостей так велико, что не в одном не слишком маленьком городке царской губернии хватило бы разговоров на добрых несколько лет. А мы, читатели или зрители этих пьес, выходим из театра или закрываем книгу с несомненным чувством облегчения: всё это встретилося не нам, и мы можем спокойно вернуться к своим семьям с ощущением гармонии домашнего счастья.

Правда ли? А может, как раз наоборот? Может, доктор Чехов подsunул нам скрытую мысль, что на самом-то деле мы уже много лет влюблены в кого-то другого? Что человек, которого предназначила нам судьба, вовсе не тот, о котором мы мечтаем? Или что мы отвернулись от того, кто признался нам в любви, а мы только пожали плечами?

Огорчения неподходящих пар, неисполненных мечтаний, невозможного эротического расклада — это, конечно, извечная тема литературы и искусства. Но никто так, как Чехов, не

показал этой запутанности во всем ее писательски ослепительном богатстве. И как раз этому мотиву посвящен один из самых интересных скульптурно-графических циклов Яцека Вальтося.

Тот, кому довелось наблюдать творчество Вальтося, не должен удивиться тому, что художник входит в этот мир людей Чехова. Речь идет даже не об особом рода театрализации драм, десятками лет разыгрываемых на этих картинах, графике, скульптуре — с большим циклом «Федра» во главе. Я думаю прежде всего о постоянном состоянии драмы, в котором находятся все фигуры, сплетенные друг с другом напрямую не сказуемыми, но интенсивно присутствующими эмоциональными связями. Оплакивание, уход, помощь, призыв, жертвоприношение, жалость, исповедь, сочувствие, объятия, открывание себя-навстречу-другому — среди этих тем много лет кружит искусство Вальтося, постоянно ищущее правильной формы, вернее всего выражающей всё то между людьми, что неуловимо, но имеет решающее значение; трудно выразимо, но стремится к обобщению. Ибо искусство и есть, в частности, обобщение того, что ускользает от всяких очертаний.

Чехов стремился объять это словами. Актеры, играющие Чехова, имеют вдобавок в своем распоряжении жесты, взгляды, тишину между словами — все те знаки взаимопонимания, о которых при чтении только догадываешься. У художника и скульптора — только твердая и недвусмысленная материя холста, бумаги, гипса, цемента. Сверх того им надо справиться с отсутствием движения, принадлежащего театру и жизни. Любовь, ненависть, презрение, печаль, горечь — эти понятия и чувства разыгрываются во времени, колышутся в нем и с ним. Художник может только на полушаге, на полуслове остановить движение. Но зато он может сильно интенсифицировать эмоции, представить их так, как это невозможно в театре или в печати. Например, показать — через рисунок и живопись — не выразимое иначе взаимопроникновение чувств. Или взаимопроникновение людей, совершенно буквально. Драму несчастной любви трех человек он может показать одновременно, на одной плоскости, сплетая друг с другом три человеческие формы, преображенные в общую эмблему страдания, знак неразрывной общности, возможный только благодаря воображению художника, которое минуют соблазны дословности. Ибо Вальтось не рисует и не лепит конкретные фигуры — хоть и подписывает их именами людей Чехова. Это только изобразительные знаки, намеки на тела, наброски чего-

то подобного Платонову, Елене, Астрову, Соне, Иванову или Вершинину. Это очертания, формы, линии, пятна, иногда цвета, сила которых в том, что для Чехова важнее всего, — в недосказанности. Очертания обрывочные, выплывающие и пропадающие, без форменные и мимолетные, засунутые друг в друга и взаимопроникающие, очертания подвижные и открытые, додуманные и исчезающие. Они есть, но их бытие сомнительно и шатко, иногда они напоминают своих собственных духов или души. Они судорожно кидаются в объятия, но до конца так и неизвестно, что они на самом деле в этих объятиях держат — чужое тело или только сон о нем. Они подвешены в неясных пространствах, иногда приобретающих четкость в абрисе садового стула, окна с прикрепленным к нему фрагментом пейзажа, куска пола, как будто вырванного из целого, которое додумываешь.

Обычно они обнажены, как и фигуры из других циклов Вальтоса. Лишь иногда их заслоняет полупрозрачная материя — драпировка, ничего особенного не значащая, использованная скорее как изобразительный знак для оживления поверхности рисунка. Острые контрасты пятен и линий, иногда цветов, надорванные края бумаги подчеркивают выразительность драм, вписанных в эти человеческие призраки. Появляется принципиальный вопрос: необходимо ли, чтобы правильно понять смысл и послание этого цикла, знать Чехова? Думаю, не помешает. Несомненно, лучше что-то знать об этих людях, чем не иметь о них понятия. Но «люди Чехова» — в такой же степени «люди Вальтоса». И как под конфликты героев Чехова мы обычно подставляем известные нам драмы других известных нам людей, так и о фигурах с этих рисунков и скульптур попробуем мыслить в категориях совершенно самостоятельных повествований. Что возникнет у нас как ассоциация — то наше. И при случае — выигрыш «людей Вальтоса».

Текст впервые опубликован в каталоге выставки «Яцек Вальтос. Люди Чехова» (Галерея сценографии краковской Академии изобразительных искусств, 2010).

Советуем посмотреть рисунки

ЧЕХОВ И ЛЮДИ ВАЛЬТОСА

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Главной сенсацией лета стало возвращение в Польшу утраченной картины Лукаса Кранаха-Старшего «Мадонна под елями». Одно из ценнейших произведений, находившихся когда-либо в польских собраниях, мы вновь обрели без всякой платы или компенсации. Некий коллекционер, живущий в Швейцарии, передал картину швейцарскому священнику с просьбой передать ее Церкви. Швейцарские епископы решили, что картина должна быть возвращена владельцу, для которого она была написана. А адвокат в Санкт-Галлене без труда установил, что в этом вопросе ничего не изменилось за пятьсот лет: картина — собственность кафедрального прихода во Вроцлаве.

Кранах написал «Мадонну под елями» для вроцлавского кафедрального собора в 1510 году. Картина спокойно висела там более четырехсот лет. В 1943 г. гитлеровские власти эвакуировали ее из города, опасаясь бомбежек союзников. По окончании войны картина вернулась во Вроцлав, однако в 1947 г. была вывезена в Германию немецким католическим священником, который предварительно подменил оригинал копией. Этот священник выехал из Вроцлава поездом. «Он знал, что советские и польские солдаты на границе досматривают выезжающих и отбирают всё, что имеет какую-либо ценность, — рассказывает Влодзимеж Калицкий в «Газете выборчей». — Доску Кранаха он завернул в старую клеенку и в вагоне поставил на нее старый термос и стакан с недопитым кофе. Зато в сундук запрятал мешочек с серебряными и золотыми монетами — как приманку. Всё произошло, как было задумано: таможенники нашли мешочек и монеты конфисковали. «Мадонна» проехала. След картины исчез, и, хотя несколько раз кто-то пробовал ее продать, до сделки никогда не доходило».

Шедевр Кранаха прибыл из Швейцарии в Польшу 18 июля. Вроцлавский епископ Анджей Семеновский сообщил, что картина, скорее всего, будет показана широкой публике уже в этом году.

Широким эхом отозвался в Польше процесс девушек из группы «Pussy Riot». Многие публицисты выразили убеждение, что обвинение в адрес участниц перформанса, процесс и суровый приговор подрывают основы демократии — свободу слова и

свободу высказывания. К освобождению «Pussy Riot» призвали выдающиеся представители польской интеллигенции, в том числе историк литературы профессор Мария Янион, историк профессор Ежи Едлицкий, режиссер Агнешка Холланд, художник Вильгельм Сасналь, режиссер Кристиан Люпа, музыкант Тымон Тымянский, скульпторы Мирослав Балка и Катажина Козыра.

Агнешка Холланд с беспокойством заявляет:

— Ситуация в России становится все более тревожной. Алексею Навальному, оппозиционеру, грозит несколько лет лагерей. Приговор грозит также участницам перформанса из «Pussy Riot». Когда царит деспотизм, власть боится всего, не только политических противников, но и художников, хотя их способ протеста непосредственно власти не угрожает. Я бы хотела призвать российскую власть более адекватно отнестись к ситуации, ибо то, что они делают, выставляет эту власть смешной. Черносотенная волна идет по всему миру, необходимо протестовать, пока не поздно.

Гданьск в шестнадцатый раз провел нынешним летом (с 27 июля по 5 августа) Шекспировский фестиваль. Были представлены театры из Германии, Италии, Великобритании, Румынии, Македонии, России и Польши. Зрители увидели, в частности, новейшую постановку «Бури» румынского режиссера Сильвиу Пуркарете, трагикомического «Лира» россиянина Константина Богомолова и три постановки «Гамлета» — итальянскую, македонскую и немецкую. Премия «Золотой Йорик» за лучшую польскую постановку произведений Вильяма Шекспира досталась спектаклю «Король Ричард III» в режиссуре Гжегожа Висневского (лодзинский Театр имени Ярача).

Главным открытием Шекспировского фестиваля часть критики признала спектакль «Лир. Комедия» Константина Богомолова. «“Лир. Комедия” не вмещается в официальное российское повествование о войне, какое там повсеместно принято, — пишет рецензент «Газеты выборчей» Витольд Мрозек. — Она говорит не о самоотверженности советского солдата, а о брутальности и братоубийстве. Появляются призраки и стихи поэтов — жертв сталинизма, картины пыток, которым подвергались в психушках политические заключенные».

В пространным интервью под названием «Чего боится Россия?», которое Богомолов дал Роману Павловскому («Газета выборчая»), режиссер разъясняет послание своего спектакля:

«Государственная мифология в России, как и в любой другой стране, — это стена, с помощью которой государство укрывается от внимательного взгляда, а ее главным элементом стала Вторая Мировая война. Так было в СССР, так и сегодня. Война — это тоталитарный лживый миф, насквозь проникнутый идеологией, используемой как оружие в идеологизации новых поколений. Она понимается не как трагедия, которая объединяет народы, а как триумф одного народа над другим. Поэтому я стремлюсь разрушить эту мифологию».

Профессор Мария Янион, одна из главных фигур польской гуманитаристики, стала в нынешнем году лауреатом премии им. Ирены Сандлер. Эта премия присуждается полякам нееврейского происхождения, которые включаются в деятельность по сохранению еврейского культурного наследия и возрождению еврейской культуры в Польше. Премия учреждена в 2008 г. в США Фондом Таубе для увековечения памяти Ирены Сандлер, отмеченной медалью Праведника народов мира за спасение 2,5 тыс. еврейских детей из варшавского гетто. В этом году наградой также отмечена доктор Иоланта Амбросевич-Якобс из Центра исследований Холокоста Ягеллонского университета.

В начале июля мы узнали лауреатов присуждаемой уже седьмой раз премии Гдыни. Магдалена Тулли стала лауреатом в категории «Проза» за книгу «Итальянские шпильки», Марта Подгурник отмечена за поэтический сборник «Резиденция сурикатов», а Мариан Сwoжень победил в категории «Эссеистика» с «Описанием страны Гог». Комитет премии под председательством Петра Сливинского решил также присудить нерегулярно вручаемую особую премию выдающемуся историку и теоретику искусства Мечиславу Порембскому за книгу «Встреча с Авелем».

Премии имени Самуэля Богумила Линде городов-побратимов Торуня и Геттингена получили в этом году польский писатель и киносценарист Анджей Барт и немецкий прозаик и эссеист Стефан Ваквиц. Анджей Барт (род. 1951) — прозаик, сценарист, автор документальных фильмов. Издал книги «Rien ne va plus» (1991), «Поезд для путешествия» (1999), «Дон Жуан еще раз» (2006), «Фабрика мухоловок» (2008), прославился также как автор сценария фильма «Реверс».

Литературная премия им. Самуэля Богумила Линде присуждается с 1996 г. всегда двум авторам — из Польши и Германии. Первыми лауреатами были Вислава Шимборская и Гюнтер Грасс, а в последующие годы, в частности, Збигнев

Херберт и Карл Дедечиус, Ханна Краль и Марсель Райх-Раницкий, Славомир Мрожек и Танкред Дорст. В прошлом году наградой отмечены Герта Мюллер и Веслав Мысливский.

Журнал «Литература на свете» («Литература в мире») присудил ежегодные премии за перевод с иностранного языка на польский. В категории «Проза» отмечена Магда Хейдель за новый перевод «Сердца тьмы» Джозефа Конрада (издательство «Знак») и Виктор Длуский за перевод книги «Революция. Власть, надежда, споры» (издательство «слово/образ/территория») историка идей Бронислава Бачко. В категории «Поэзии» премию получила Дорота Городынская за перевод «Детей природы» Люльеты Лешанаку («слово/образ/территория»).

В четвертьфинале вручаемой в седьмой раз центрально-европейской литературной премии «Ангелус», учрежденной городом Вроцлавом, оказалось 14 книг, в том числе шесть польских: «Сатурн» Яцека Денеля, «Колымские дневники» Яцека Хуго-Бадера, «Немра» Аркадиуша Пахольского, «Медзянка. История исчезновения» Филипа Спрингера, «Итальянские шпильки» Магдалены Тулли и «Лесоруб» Михала Витковского. Победителя определяет жюри под председательством Натальи Горбаневской. 4 сентября будет объявлен короткий список премии — «семерка». Имя лауреата мы узнаем 20 октября во время торжественной церемонии.

Эва Липская, выдающаяся поэтесса, а также эссеист и фельетонист, получила 21 июля титул доктора honoris causa Келецкого университета им. Яна Кохановского. Краковянке Липской принадлежит около двадцати пяти поэтических сборников, ее стихи и эссе переведены почти на сорок языков.

В американских книжных магазинах появился английский перевод книги Юзефа Хена «Новолипье» (издательство «ДЛ Букс», перевод Кристины Борон). В книге Хен рассказывает о своем взрослении в еврейском районе довоенной Варшавы, о днях обороны столицы в сентябре 1939 г., о своих скитаниях в военные годы по территории Советского Союза. В увлекательных красочных анекдотах детство и юность еврейского мальчика, растающего в польскую жизнь — многокультурную, дружественную и привлекательную, предстают едва ли не идиллией. И только элегические завершения автобиографических эпизодов, из которых мы узнаём о дальнейших судьбах членов многочисленной семьи, учителей, соседей, ровесников, подружек, первых любовных увлечений и друзей, — преобразуют светлое повествование в эпитафию.

Американский историк Тимоти Снайдер исполнен удивления: «Невозможно представить себе вторую такую книгу, описывающую исчезнувший еврейский мир межвоенной Варшавы, сопоставимую с этим чрезвычайно подробным и прекрасно написанным путешествием в детство Юзефа Хена. Ею надо наслаждаться, ее надо ценить и сохранить для потомков».

Отрывок из книги читайте в этом номере «Новой Польши».

За два каникулярных месяца можно посмотреть больше хороших фильмов, чем за следующие десять. При условии, что будешь ездить по всей Польше с фестиваля на фестиваль. Сначала в Познань на «Аниматор», — множество анимационных коротко- и полнометражных фильмов; затем фестиваль ангажированного кино «Трансатлантик»; «Sopot Film Festival»; «Два берега» в Казимеже-Дольном и Яновце-на-Висле; «Иньское кинолето» в Иньском, где много нового чешского кино; сенсационное «Кинолето» в Колобжеге, «Летняя Киноакадемия» в Звездинце, где, в частности, прошла ретроспектива Сергея Лозницы — от знаменитого «Поселения» (2001) и «Фабрики» (2004) до «Представления» и «Блокады», смонтированных из материалов, обнаруженных в советских киноархивах.

Особое место на фестивальной карте занимает авторитетный вроцлавский фестиваль «T-Mobile — Новые Горизонты» (19—29 июля), с большой долей авторского кино и несколькими интересными ретроспективами (в том числе показом фильмов легендарного Душана Макавеева, Ульриха Зайдля и Карлоса Рейгадаса). В конкурсной программе XII фестиваля оказалось несколько замечательных и совершенно неголливудских работ. Жюри присудило Гран-при чилийско-голландскому фильму «С четверга по воскресенье» Доминго Сотомайора Кастильо, публика выбрала французскую ленту «Донома» Джина Каренара, а журналисты (премия ФИПРЕССИ) — бразильский фильм «Звуки по соседству» Клебера Мендонсы Фильо.

10 августа на экраны вышел дебютный в художественном кино фильм Петра Мулярука «Юма». Фильм, мировая премьера которого состоялась на фестивале в Карловых Варах, рассказывает о криминальной практике «юма» начала 1990 х. Юма — это изобретение воспитанных при социализме польских «рассерженных молодых людей», которые в погоне за легкой наживой занимаются мелкими кражами в Германии. Они разнюхали легкий и быстрый способ получения денег за счет наших западных соседей. Герои фильма, «импортируя» в Польшу краденые товары, переходят дорогу русской мафии.

Одновременно регулярно обкрадываемые немцы усиливают охрану от грабителей, и игра в сыщиков и воров становится опасной.

Название фильма отсылает к классическому вестерну 1957 года «Поезд на Юму», а сама картина — это соединения боевика, комедии и мелодрамы. Главную роль Зыги сыграл Якуб Гершал, известный уже по фильмам «Зал самоубийц» Яна Комасы и «Всё, что я люблю» Яцека Борцуха. В роли предприимчивой тети героя, владелицы агентства знакомств, снялась Катажина Фигура. Специально для фильма лидер группы «Культ» Казик Сташевский написал две композиции, в том числе заглавную.

Прощания

15 июня на 93 м году жизни скончался Стефан Стулигрош, создатель и многолетний директор хора мальчиков и мужского хора Познанской филармонии «Познанские соловьи».

21 июня в Варшаве в возрасте 96 лет умер Генрик Береза, один из крупнейших польских литературных критиков после Второй мировой войны. С начала 1950 х до 2005 г. он работал в редакции журнала «Твурчосць» («Творчество»), где вел авторскую рубрику «Прочтено в машинописи». Он открыл таланты Марека Хласко и Эдварда Стахуры, высоко ценил творчество Януша Гловацкого. Его мнение в значительной мере формировало литературный пейзаж Польши, но и порождало много споров о его художественных предпочтениях. В течение двух лет Генрик Береза был председателем жюри литературной премии «Нике».

27 июня в возрасте 84 лет умерла Тереса Марковская, дочь и наследница Ярослава Ивашкевича. После смерти родителей она участвовала в создании Музея Анны и Ярослава Ивашкевичей в Стависком. Похоронена на кладбище в Брвинуве.

21 июля в Варшаве на 88-м году жизни умер Анджей Лапицкий — один из крупнейших польских актеров. Он сыграл более ста театральных и несколько десятков телевизионных и киноролей. Как актер с обаянием довоенного героя-любовника и органичными европейскими манерами, в послевоенном польском театре Лапицкий первоначально играл только классовых врагов, агентов ФБР и злодеев эпохи санации. В таких ролях занимал его Эрвин Аксер в варшавском Современном («Вспулчесном») театре. Со временем призыванием Лапицкого стал камерный, интеллектуальный, рефлектирующий театр. Артисту было неуютно в трагическом и романтическом репертуаре.

С 1960 х Лапицкий систематически выступал как режиссер (в частности комедий Фредро), его режиссура никогда не была навязчивой, опиралась на уважение к литературному тексту и к актеру.

Кино не востребовало в полной мере его таланта. Лучшие роли Лапицкого — в фильмах Конвицкого («Сальто», «Как далеко, как близко») и Вайды («Всё на продажу», «Свадьба»).

29 июля в освенцимском хосписе, основанном по его замыслу, умер Август Ковальчик, актер театра и кино, бывший узник Аушвица. Он был известен, в частности, по сериалам «Яносик», «Крестьяне», «Ставка больше, чем жизнь», «Польские дороги», «Тайна “Энигмы”». В 1968—1981 гг. был художественным руководителем варшавского Театра Польского. Ему было 90 лет.

2 августа в возрасте 65 лет в больнице в Пясечно умер Томаш Шукальский, один из лучших польских джазовых саксофонистов, композитор и аранжировщик. Он записал несколько пластинок со Збигневом Намысловским, с известными европейскими джазовыми музыкантами. Концертировал с Томашем Станько, Влодзимежем Нагорным и Яном «Пичугой» Врублевским.

6 августа в Варшаве умер Эрвин Аксер, великий польский театральный режиссер. Ему было 95 лет. Воспоминания об Эрвине Аксере и два его коротких рассказа напечатаны в этом номере журнала.

ПАМЯТИ ЭРВИНА АКСЕРА

В первых откликах на смерть Эрвина Аксера повторялась фраза: «Как жаль, что он не оставил преемника». Если бы режиссер мог это услышать, думаю, он бы от души рассмеялся. Отсутствие преемника, который развивал бы аксеровский тип театра, было не самым большим огорчением в жизни режиссера. Напротив — Аксер прекрасно понимал, что не продолжатели, а бунтари становятся великими художниками. Он же и сам был взбунтовавшимся учеником Леона Шиллера.

Самый способный ученик величайшего польского режиссера не пошел по пути своего учителя. «Монументальному театру» Леона Шиллера он противопоставил театр камерный, отличающийся рационализмом и вниманием к человеческим взаимосвязям, лишенный романтического стаффажа и метафизики. За все время работы он инсценировал только одну вещь из пантеона романтизма — «Кордиана» Юлиуша Словацкого, — и то очень аскетично, минимальными средствами, как эпическую поэму, а не шоу.

Его трактовка «Нашего городка» была полемикой с Шиллером — в этой драме Торнтона Уайлдера умершие наблюдают жизнь своих близких — обитателей небольшого американского городка — и комментируют ее. Мэтр в своей довоенной постановке делал акцент на загробную жизнь. Ученик сконцентрировался на куда более интригующей тайне земного существования. Для него, рационалиста и скептика, наш бренный мир был интереснее потустороннего.

Так повелось, что Эрвину Аксеру постоянно пытаются приклеить ярлык режиссера-консерватора, преклоняющегося перед наследием прошлого и видящего свою главную задачу в том, чтобы слово в слово передать написанное драматургом. Нет ничего более далекого от правды. Аксер с середины XX века был не меньшим новатором, чем Кшиштоф Варликовский полвека спустя. Хотя Аксер существовал совсем в иной эстетике и пользовался другим языком, он проявил такую же смелость в поисках новых путей и стремлении сделать театр открытым к новым течениям мысли. Он вывел на сцену новый, европейский репертуар, в частности первым после войны поставил пьесу Сартра «Добродетельная шлюха», создал первую польскую постановку «Мух» того же автора, его вдохновлял итальянский неореализм в кино — Лукино Висконти и

Витторио Де Сика. Когда власти ослабили цензурный гнет, Аксер обратился к политической теме, показав публике «Тревожное дежурство» Ежи Лютовского — историю врача, бывшего солдата Армии Крайовой, который, выйдя из сталинского лагеря, не смог вписаться в новую жизнь. Громкая премьера состоялась в 1955 г. в Национальном («Народовом») театре с Анджеем Щепковским в роли врача и Данутой Шафлярской в роли медсестры, ознаменовав пробуждение польского театра после долгих лет сталинизма и начало оттепели.

Под руководством Аксера варшавский Современный («Вспулчесный») театр в 60-е и 70-е годы стал окном в мир, через которое на польские театральные сцены проникали самые значительные в то время имена и произведения современной драматургии. Макс Фриш, Жан Кокто, авторы британской «новой волны» Джон Осборн и Арнольд Уэскер, Фридрих Дюрренматт, Гарольд Пинтер, мастер театра абсурда Эжен Ионеско, Эдуард Олби, Эдвард Бонд, Томас Бернхард (к которому Аксер обратился, хотите верьте, хотите нет, задолго до Кристиана Люпы!) — список можно продолжать, сегодня это столпы европейской драматургии. Благодаря международным связям Аксера, с 60-х годов регулярно работавшего за границей (преимущественно в Вене и немецких театрах), Современный театр стал поистине современным театром, открытым для новых голосов и экспериментов. Пример — представленная Аксером в 1966 г. документальная драма Петера Вайса «Следствие» по материалам процесса над нацистскими военными преступниками.

Принято считать канонической трактовку Аксером пьес Славомира Мрожека, но нельзя забывать, что его работы содержали в себе и элемент полемики. В знаменитом «Танго» (1965) с гениальным исполнением Мечислава Чеховича в роли Эдека и Веслава Михниковского в роли Артура режиссер порвал с традицией чистого гротеска, которой придерживались предыдущие постановщики Мрожека. Аксер стремился глубоко проникнуть во взаимосвязи, выстраивал психологию героев, но не из желания вывернуть их наизнанку, а для того чтобы создать механизм, который будет в состоянии удерживать всю интеллектуальную конструкцию пьесы. С успехом используя этот механизм в работе над очередными произведениями драматурга — «Счастливый случай», «Портной», «Вдовы», «Любовь в Крыму», — Аксер превращается в непревзойденного постановщика Мрожека.

Таким же новаторским был его подход к Брехтовской «Карьере Артуро Ui». Несколько многословную историю о чикагских гангстерах с аллюзиями на нацизм Аксер превратил в точный механизм, показавший угрозу тоталитаризма здесь и сейчас. Событием спектакля стал Тадеуш Ломницкий в главной роли, сыгравший превращение клоуна в Гитлера. «Единственное достоинство современного искусства — разоблачение. Эрвин Аксер это понял, и поэтому его Артуро Ui попадает точно в цель не только с театральной точки зрения. Он по-современному ядовит», — писал в своей рецензии Ян Котт, рассуждая о сегодняшней угрозе насилия и приводя в качестве примера французских террористов, борющихся против свободы Алжира.

Так Аксер и его театр глубоко и точно отражали действительность второй половины XX века. Режиссер скептически относился к идеологии, но при этом не замыкался в башне из слоновой кости, не возводил вокруг своего театра стен, призванных охранять «святое искусство». Аксер без религиозного трепета относился к сцене. Во второй половине 90-х на вопрос, что из сделанного им в театре он считает самым важным, режиссер ответил: «Не знаю. Театр вообще не так уж важен». Шутит? Или всё же говорил серьезно?

Я был на пяти последних постановках Аксера на рубеже веков: «Посол» Мрожека, «Семирамида» Войтышко, «У цели» Бернхарда, «Андрокл и лев» Шоу и «Пасха» Стриндберга. В пьесе Мрожека о холодной войне Аксера заинтересовала тема чести политика, который в кризисной ситуации наперекор всему решается отстаивать безнадежную позицию. Главную роль посла некоего западного государства, у которого прячется беженец с Востока, исполнял Збигнев Запасевич. Он играл человека, верящего в столь затертые понятия, как ответственность, долг, миссия. И, самое главное, отвечавшего за последствия своего выбора. В зрительном зале «Вспулчесного» сидели представители тогдашней политической элиты. Произвел ли на них хоть какое-то впечатление такой урок?

Значительным оказался и спектакль «У цели» с Майей Коморовской. Этот взвинченный, как обычно у Бернхарда, и бесконечный монолог матери, обращенный к дочери и еще одному персонажу — молодому драматургу, Аксер поставил, проигнорировав всё, к чему приучил нас современный театр: в нем не было ни быстрой смены сцен, ни эффектных картин, ни постоянного музыкального сопровождения. Зрители приняли премьеру холодно, спектакль прошел тридцать с чем-то раз, что было намного меньше обычного.

Аксер не вступал в гонку со временем. В 90 е он делал тот же театр, что и 30 лет назад. А публика была уже, к сожалению, в другом времени и месте. Он мог бы повторить вслед за Брехтом, что плохой сегодняшний театр — это хороший вчерашний, но его не слишком волновали чужие оценки. Режиссер говаривал, что кроме тенниса, лыж и театра в жизни есть и другие вещи. И был прав.

ЧЕРТА ПОД МИНУВШИМ СТОЛЕТИЕМ

Принято говорить, что неотвратимая весть о чьем-то уходе застала нас врасплох — всегда, независимо от обстоятельств. Смерть Аксера не стала для меня неожиданностью. Его чемоданы были давно собраны, — так выразился мой друг, и это удивительно точная метафора. Аксер прожил 95 лет и, мне кажется, воспринял смерть как освобождение. Поэтому, полагаю, плакать сегодня должен польский театр. А Эрвин Аксер? Наверно, он смотрит на нас с легкой иронической усмешкой.

Вот я думаю: в который уже раз смерть великого художника символически подводит черту под минувшим столетием в театре. Аксер сохранится в истории наряду с великими по многим причинам. Приведу наиболее очевидную: Современный театр в Варшаве, на Мокотовской, 13, никогда не стал бы тем, чем он был, без своего первого директора.

Было время, когда Варшава могла гордиться группой замечательных руководителей важнейших театров. Холубек в Драматическом, Хюбнер в «Повшехном» (Всеобщем), Варминский в «Атенеуме», наконец, Аксер во «Вспулчесном» на Мокотовской. Кому из участников этого выдающегося квартета принадлежит пальма первенства? Лично я отдал бы ее двоим: Хюбнеру и Аксеру. Аксер был идеальным руководителем для «Вспулчесного». Он оставался патроном театра и после своего формального ухода. В этом он задал недостижимые для других стандарты, оставив после себя своего помазанника Мацея Энглерта. Аксер продолжал регулярно работать на Мокотовской, кроме того он служил для труппы точкой отсчета. В последние годы достаточно было сознавать, что он есть.

Варшавскому Современному театру и его руководителю мы обязаны формированием сознания и художественного вкуса не одного поколения польской интеллигенции. Напомним, что после 1965 г. «Вспулчесный» благодаря Аксеру превратился в широко распахнутое окно в мир. Там мои родители узнавали, что модно на Западе. Ставился Дюрренматт и Фриш, Ионеско и Беккет, Бонд и Бернхард, Осборн, Вайс и Брехт. Плюс польские драматурги от Кручковского до Брыля. Ну и конечно Мрожек.

Утверждение, что большинство первых постановок его пьес было осуществлено на Мокотовской, ошибочно, но и без этого «Вспулчесный» по воле Аксера стал настоящим домом Мрожека. Здесь Тадеуш Ломницкий играл Артуро Уи. Я знаком только с фрагментом спектакля, сохранившимся в «Польской кинохронике» — с тем самым, знаменитым, где Уи произносит монолог о капустном тресте. Ломницкий нашел в Аксере партнера, с которым мог покорять вершины профессии.

Эрвин Аксер был для варшавской интеллигенции величиной бесспорной. Его театр был ее домом. Об этом театре и его директоре я узнал от родителей. Они показывали мне программки, например «Ифигении в Тавриде». Там они чувствовали себя как рыба в воде. А потом я уже сам пошел на Аксера. В 1990 г. мне было 18 лет. Аксер поставил «Комедианта» Бернхарда с Ломницким в роли Брускона. Я смотрел, ошеломленный даже не столько самим спектаклем, сколько гениальной игрой Ломницкого. Признаюсь, именно он был тогда для меня богом, о режиссере я не задумывался. Полагаю, я был не один такой, и, мне кажется, к этому Аксер и стремился. В своих спектаклях ему нравилось держаться в тени, хотя работал он исключительно точно. Он был и остается непревзойденным мастером диалога — трудно найти режиссера, который бы так чувствовал значение точной сценической детали. В этом смысле Аксер поднял планку на недостижимую для других высоту.

Я слышал, как Мацей Энглерт говорил, что Эрвин Аксер был интеллектуалом, который смог превратить театр в средство выражения своих мыслей, и в этом особая удача «Вспулчесного». Именно так. Возможно, в театре Аксера было не так много романтических порывов, не зря же он почти не ставил Шекспира. Его полем был рациональный анализ, внимательное вчитывание в текст, точное следование автору. Как раз такой получилась у него «Любовь в Крыму» Мрожека. Збигнев Запасевич великолепно сыграл там Захедрынского. Наверное, потому что и он, и Аксер превосходно понимали этого персонажа. Интеллигенты высшей пробы рассказали об интеллигенте — всё обязано было совпасть.

С этим труднее всего расставаться. С интеллектуальной дисциплиной, которую воплощал в себе Эрвин Аксер, с его блеском, шармом и высоким классом. Это теперь почти утрачено, зато вокруг всё больше людей, которые даже не догадываются, что так когда-то было. Мне кажется, Эрвин Аксер был человеком иного, лучшего, чем мы видим сегодня,

театра. Такого театра больше нет, а теперь не стало и Эрвина Аксера.

KULTURA

LIBERALNA

ИЗ ПАМЯТИ

НЕДОРАЗУМЕНИЯ И УРАЗУМЕНИЯ

Я увидел его сквозь стекло, отделявшее кухню от всей квартиры. Он стал в дверях и лучезарно улыбнулся. Куски мяса шипели на сковороде, которую он не выпускал из рук.

— Он физик и не владеет языками, — произнесла фрау управляющая. Потом она указала рукой на комнаты в этой двухуровневой квартире: «Вы внизу, он наверху. Кухня общая. Вверху ванная, внизу дополнительный туалет». Осведомилась, в каком театре я буду ставить спектакль и не могу ли достать билеты в Оперу.

— Я много езжу верхом, — добавила она совершенно не à propos и исчезла.

Мы остались одни. Японец свободной от сковороды рукой показал на себя: «Ja-ra-ner». «Вижу», — ответил я и прикусил язык. Воцарилось молчание. Он отвесил мне церемонный поклон и вернулся на кухню. Я тоже поклонился и пошел в спальню. Был жаркий вечер. Обернув бедра полотенцем, я вскарабкался наверх, чтобы сполоснуться.

В ванной комнате, уже стоя под душем, я заметил два рулона туалетной бумаги — большой и маленький. Прихватив маленький, я, еще мокрый, спустился вниз, наслаждаясь ощущением прохлады. Японец ужинал. Прервался и уставился на мой рулон. Поднялся с места.

— Наверху два рулона, — медленно произнес я на языке «Хижины дяди Тома». — Моя взять маленький и отнести вниз, где совсем нет бумага.

Японец остолбенел.

— My property, — произнес он на неожиданно правильном английском.

Повисло молчание, еще более зловещее, чем раньше. До меня дошло, что физик уже использовал весь лимит казенной бумаги и создал собственные запасы, которые я самоуправно, хоть и не ведая, что творю, разорил. Я нарушил право собственности и, как мне показалось, еще какой-то неписанный

закон Востока, ибо реакция была несоразмерна с прегрешением. Если я так до конца и не понял законов Ближнего Востока, в тени которых уже давно существую, откуда мне знать законы Дальнего? Дело было не в возврате бумаги. Я это понимал. Он ничего не решал. Может, даже усугубил бы положение. Впрочем, я и так не собирался ничего возвращать. Уборная без бумаги — это, с моей точки зрения, нонсенс. Поздний час ставил крест на надежде приобрести собственный рулон. И вот мы стояли, вперившись друг в друга взглядом. Молчание делалось невыносимым. Положение требовало выхода. Я был полон решимости дождаться, когда японец сделает первый шаг. Он ждал того же от меня. Харакири? В руках у него по-прежнему были нож и вилка... Неожиданно выражение его лица смягчилось.

— Я понял, — сказал он. — Это будет подарок. Мой вам. My gift to you... — Он отложил опасные орудия, взял у меня рулон и, согнувшись в глубоком поклоне, протянул его мне. Я принял рулон и тоже поклонился. Но он уже вернулся к своему ужину. Для него я перестал существовать.

С утра, как только открылись магазины, я купил три рулона туалетной бумаги в цветочек и оставил их в ванной наверху. Однако у меня не было уверенности, что поступаю правильно, — как отреагирует восточный человек на попытку отдариться? На всякий случай я решил избегать соседа. Вставал поздно, когда японец уже был в лаборатории, возвращался за полночь, когда он уже спал. Подошло время отъезда. Собрав чемодан, я тишком пересек двор, стараясь не привлекать внимания. И в подворотне столкнулся с соседом. Бежать было некуда. Приемом джиу-джитсу японец заблокировал мою руку, вошел в клинч и так, прижав меня к себе, принялся взволнованно повторять с характерным акцентом: «Тсенк ю, тсенк ю...». Я вздохнул с облегчением. Мы нашли общий язык.

Следовало еще заглянуть в бюро приема. «Осенью, — сказала фрау-управляющая, — когда вы приедете в наш центр на более долгий срок, мы вам с удовольствием предоставим скидку. И вам не удастся отвертеться от прогулки верхом. У меня есть для вас на примете превосходная верховая лошадь...» — и внезапно пустилась рысью, радостно цокая языком...

Я осторожно ретировался.

АН, LES BEAUX JOURS!

Завтракали на веранде. Открытая каменная веранда, заросшая виноградом. Вокруг сад. Зеленый газон, белые дорожки,

посыпанные гравием. Высокие старые орехи. Дальше улица, за недавно посаженной живой изгородью из елочек. Бабушка пьет кофе с пенками. Макает в кофе рогалик с маслом, иногда отламывает кусочек, намазывает маслом, а сверху абрикосовым джемом от Julius Meinl. Дедушка существует по своим собственным законам. Он есть — или его нет. Типси ждет. Сидит, как все, на плетеном кресле и ждет. Бабушка наливает ему кофе в блюдце. Все чувствуют запах кофе и смотрят, как бабушка кладет в него вкусные пенки, а потом добавляет немного рогалика с толстым слоем масла. Типси обнюхивает завтрак и ждет. Бабушка подбрасывает еще пенок. Типси высовывает розовый язык и медленно, вдумчиво начинает слизывать масло. Потом снова ждет. Видя, что ничего не происходит, принимается за кофе. Лакает его маленькими глоточками. Наконец доходит очередь до хлеба. Время от времени Типси закидывает вверх черную мордочку, словно куски не лезут ему в горло. Вылизывает языком тарелку и тут же принимается подталкивать ее к краю стола. Бабушка с мамой кричат: «Типси!», Типси как не слышит, и обе бросаются спасать ценную посудину, чтоб не разбилась.

Бабушка возвращается к кофе. Типси спускается с кресла и ложится на солнце. Тени деревьев скользят по скатерти. Любимая бабушкина коза блеет в сарайчике под лестницей. Воробьи ищут крошки на каменном полу. На улице звонит голубой трамвай. Дедушка тут, верней, его нету. Тишина.

27 сентября 1991

Перевод Марины Курганской

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Вот уже довольно долгое время можно наблюдать, как культура, в особенности же литература, в ежедневной и еженедельной прессе низводится до чего-то вроде «всякой всячины». Давнишние рецензии и обсуждения, а бывало что и серьезные литературные дискуссии, заменены заметками, которые даже не должен писать профессионал: довольно того, чтобы журналист в меру разумно переписал рекламные строчки с обложки книги. Принципиальное условие — максимально короткий текст, написанный максимально простым языком. По сути дела это уже даже не рецензии, а рекламные анонсы. Причем это касается не только польской прессы. Когда я недавно дал себе труд просмотреть старые подшивки серьезного немецкого еженедельника «Шпигель», то увидел, как с течением лет вопросы культуры — за исключением «сенсационных», вроде появления книги Грасса, в которой извлечены на белый свет затененные до тех пор эпизоды его биографии (вообще-то, дело здесь не в литературе, а в биографии знаменитости), — занимают всё меньше места. Когда-то «Шпигель» печатал даже эссе, что сегодня трудно себе представить. С другой стороны, во время моей поездки на Украину я хотел сориентироваться в мире тамошней серьезной культурной прессы. Оказалось, что она в упадке. Литературная критика сохранилась сегодня — как на Востоке, так и на Западе — в ежемесячных и ежеквартальных журналах, но их, в общем-то, широкая публика не читает, тиражи редко превышают несколько сотен экземпляров, и само существование этих изданий в большинстве случаев зависит от государственных или местных, иногда частных дотаций.

Под заголовком «Сознание критики» в только что вышедшем (в июле 2012 года!) последнем номере журнала факультета полонистики Ягеллонского университета «Велёглос» («Многоголосье», «Полилог», 2011, №1) представлена подборка выступлений самых сегодня активных литературных критиков. Бернардетта Дарская обращает внимание на силу воздействия интернета, где в этой области сегодня доминируют дилетанты:

«Литературная критика слишком легко устранилась от присутствия в этом виде коммуникации, а с учетом того, что потенциальный читатель ищет первичную информацию именно в сети, легко понять, каковы последствия этого. Анонимные тексты (под никами) вытесняют персонализированные (под именем и фамилией). Интернет, пусть это и одно из наиболее демократичных средств массовой медиа, может быть, именно поэтому требует особой селективности, тщательного отбора. Его не каждый может выполнить. Наряду с интересными, красочными, стилистически правильными и выразительными текстами, мы имеем дело с графоманией — я говорю здесь о книжных блогах и порталах, посвященных культуре. Не лучше и в издающейся большим тиражом прессе. Литературно-критический и критический текст в полной мере вытеснен рецензированием, причем часто в самом беспомощном виде, — а что еще сказать о текстах, которые напоминают слегка подправленную информацию с обложки книги. Соответственно, с литературной критикой всё хуже и хуже. Нерегулярность — самая большая ее слабость. В результате критика в этого типа медиа не обладает актуальностью, а существует, прежде всего, в историческом измерении. Это плохо, во-первых, потому, что критика мало кто хочет слушать; во-вторых, потому, что у критики остается всё меньше и меньше мест, где можно говорить громко и быть услышанным; и, наконец, в-третьих, — потому, что голос критика оказывается приравнен к голосу дилетанта».

Интересно также мнение одного из самых активных интерпретаторов современной прозы, Дариуша Новацкого:

«Критики, отвечающей запросам этой [обывательской, массовой] публики (...) предоставляющей своего рода услуги населению, то есть, как бы то ни было, экспертной, даже в популярном сегменте сегодня не существует в принципе. Так же, как не существует прежних общественно-культурных еженедельников, которые заменены так называемыми еженедельниками мнений, где если вообще комментируется текущая литературная продукция, то в форме литературно-критической эпиграммы (эссе на тысячу знаков с пробелами); так же, как не существует прежних разделов культуры в ежедневной прессе: они постепенно угасают или преобразуются в колонки life style (при этом трудно спорить, что контакт с современным романом — вопрос стиля жизни: одни идут в тренажерный зал или суши-бар, другие же читают Ольгу Токарчук). О телевизионных передачах, посвященных издательским новостям или, шире, вопросам литературы,

нечего и говорить. Короче сказать, традиционной экспертной критики сегодня нет в масс-медиа — по той простой причине, что там ее никто не хочет. (...) Словом, массовый (осторожнее говоря, в меру массовый) потребитель, а в особенности представляющие и обслуживающие его СМИ, сказали критике: ты свободна».

Я не уверен, однако, что все так просто. СМИ, ясное дело, должны заботиться о том, что называется «слышабельностью» и «смотрибельностью»: именно от этого зависит продажа продукта, а живущих на дотации газет и еженедельников не существует. С другой же стороны, мне не верится, что ни одна ежедневная газета не в состоянии вести в меру приличный культурный раздел, хотя когда наблюдаешь попытки реанимации такого рода деятельности (в свое время подобные амбиции выказывали субботне-воскресные издания «Газеты выборчей» и «Жечпосполитой»; иногда даже телевидение, на специальном канале «Культура», предпринимает отчаянные попытки внедрить программу о книгах), то видишь, что все такого рода усилия довольно быстро оканчиваются ничем. Вопрос довольно серьезный, потому что публика вне больших городов в результате лишена какой-либо информации о том, что происходит в культурной жизни. Быть может, это неизбежно в стихии цивилизационных перемен, в результате которых культура в общественной жизни уходит в узкую нишу. Указывая на присутствие критики в имеющих небольшой тираж культурных изданиях, Новацкий оценивает населенность этой ниши:

«До сих пор никто не просчитывал масштаб этого круга, я же полагаю, что едва ли можно говорить о сообществе большем, чем несколько сот человек», а в результате «литературная критика пребывает в зоне (нише, резервации — определения можно множить) специализированных интересов, хобби, а некоторые ее ответвления, например критика новой поэзии, — и вообще в андеграунде. Там она состоялась, но не потому, что хочет этого, а потому, что где-либо еще — на главных коммуникационных каналах, ближе к центру культурного дискурса, в пространстве видимости и слышимости — состояться не может».

А вот этот диагноз кажется в принципе верным. Эти несколько сот людей в 38 миллионной стране, даже принимая во внимание, что ныне здравствующих выпускников и студентов полонистики и родственных направлений не меньше 38 тысяч (то есть 1 промилле), — вот бесспорный показатель культурного упадка и слабости польской гуманитаристики. Эта мизерность,

бесспорно, будет усугубляться в результате деятельности министерства высшего образования, выталкивающего гуманитарные специальности на обочину своих интересов. На такое положение вещей метко указал Михал Старчевский на страницах «Тыгодника Повшехного» (2012, №32):

«Политика министерства вызывает (...) серьезные опасения в среде гуманитариев. Важнейшая причина тревоги — сокращение «И+Р», появляющееся во многих документах и регламентах конкурсов на гранты. Сокращение следует читать «Исследования и Развитие»; часто оно оказывается сопряженным со словом «коммерциализация». Это означает поддержку прежде всего тех исследований, которые можно быстро внедрить в бизнес. Быть может, это разумная стимуляция креативности в технических и естественнонаучных направлениях; гуманитарные же науки не дождались из министерских кабинетов критериев, более адекватных своей специфике».

Вернемся, однако, к литературной критике. В вышеназванном номере «Велёгласа» напечатан очерк Дороты Козицкой «Что сегодня значит быть польским критиком?». Рассматривая изменение позиций критики после 1989 года, автор пишет:

«Критики, которым ближе чтение литературы в эссеистической перспективе, убеждают, что ее нельзя свести к каким-либо образом понимаемой утилитарности, так как это грозит упрощением многозначности. Они показывают, что ангажированная литература, как и критика, независимо от цвета политического флага, который над ней развевается, подчинена одним и тем же правилам и схемам, всегда исключаящим нетипичное, новаторское, литературное. Они трактуют политическую критику как очередной — один из возможных и функционирующий параллельно с другими — стиль чтения и разными способами обороняются от упреков в анахронизме и прекраснотушии. (...) Наряду с откровенно полемическими высказываниями в отношении проектов политической критики, которая даже незавершенность литературного произведения или критического высказывания, недосказанность и уход от политических, идейных, социальных, гендерных и тому подобных деклараций трактует как политический акт, как подтверждение status quo и включенность в доминирующий (неолиберальный, патриархальный и т.п.) стандартизованный дискурс, появляются также голоса, в которых этот проект отчетливо вдохновляет на формулировку менее радикальной, хотя и политически укорененной критической программы. (...) Это

разнообразие голосов и программ, накал споров и готовность к дискуссии позволяют верить, независимо от того, на чью сторону мы станем в этом споре, что критика — по-прежнему «живое» пространство, в котором размышление о литературе становится размышлением о современности».

Один из голосов, который, по моему убеждению, заслуживает внимания — это голос Яцека Гуторова (лауреата премии имени Казимежа Выки), с которым на страницах вроцлавского ежеквартальника «Рита Баум» беседует Мацей Топольский. Интервью озаглавлено «Полиферации и гетеродоксии». Гуторов говорит:

«Не знаю, можно ли меня назвать «обезличенным критиком» (...). Любой человек где-то родился, обладает каким-то темпераментом и опытом, определенными взглядами, участвует в демократических выборах, где должен проголосовать за конкретного кандидата, и так далее. Если я говорю об открытии, о преодолении и эмансипации, то всегда с сознанием и в рамках определенных ограничений, как конкретная личность, которая вдобавок берет на себя ответственность за сказанное, — а я чувствую себя ответственным за всё, что пишу и говорю. Сообщество «без предпосылок и убеждений» (формула заимствована из книги Джорджо Агамбена «Грядущее сообщество») — эта идея очень мне близка. Однако обратите внимание, что, несмотря на акцент на беспредпосылочность, я говорю здесь прежде всего о сообществе. Кроме того, дело скорее в регулятивной идее, чем в реальной программе. Я сам вполне старомодный адепт либеральных и демократических идей, так же как и гражданского общества. Мне кажется, что агамбеновская концепция сообщества адресована индивидууму (гражданину, жителю, читателю), а не обществу — в последнем случае это был бы безнадежно утопический взгляд. (...) Эмансипация, как я ее понимаю, — это не какой-то акт или жест, а постоянное усилие, основанное на постановке под сомнение застывших и вроде бы очевидных дискурсов и нарративов. Эта работа никогда не оканчивается, а всегда остается определенной задачей, в том числе для критики. Отсюда проблема: мы предпочитаем замкнутость, завершенность, досказанность бесконечному чтению, которое не приносит никакого окончательного смысла. Благословение и проклятие литературной критики, о которой я мечтаю (пожалуй, не один я), состоит в том, что она становится жизнью, вознесенной до могущества, неоднозначной и открытой самым разным новым значениям. А что до сообщества, то (...) эта регулятивная идея — не столько состояние, которого мы должны достичь, сколько

указатель чтения и вызов читателю. Я и в самом деле не знаю, и, пожалуй, никто не знает, возникнет ли такое сообщество и может ли вообще возникнуть. Важен принцип: мы должны читать так, чтобы посредством чтения выйти в пространство сообщества».

С этой точки зрения представляется интересным помещенный в журнале «Одра» (2012, №7–8) обширный очерк Иоанны Орской «БруЛион из гвоздей», рассматривающий стратегию дебюта группы уже не существующего журнала «БруЛион» на рубеже восьмидесятых–девяностых годов. Журнал был заложен такими поэтами, как Роберт Текели, Мартин Светлицкий, Кшиштоф Кёлер. Время, прошедшее с тех пор, позволяет увидеть проблемы этой среды четче, чем тогда, когда журнал выходил. Отмечая политический поворот редакции вправо, Орская пишет:

«В политической беспрограммности «БруЛиона» прекрасно отразилось беспомощность мыслителей, которые в принципе не владеют правильным рецептом, как быть в новой историко–политической ситуации, и не могут четко определить место и задачи собственного круга по отношению к новым, демократическим требованиям, хотя охотно формулируют компендиум необходимых к руководству традиционных директив, направляемых «молодым» как своего рода «литературное» требование. (...) Я бы сказала, что рецепты претензий интеллектуальной элиты на собственное наличие в перспективе социальной жизни и общественной дискуссии (...) привели к декадентским моделям. Они навязывали культурной жизни своеобразную аристократическую приглушенность и повелевали интеллигенции хранить свои лаборатории в академической изоляции — в ощущении неуместности гуманистического поведения или даже скорее его неуместности во времена демократического мира, который можно описать только в прагматических или рыночных категориях. (...) Беспрограммность «БруЛиона» в этом контексте скорее (пародийно) созвучна отсутствию гуманистической идеи свободной культуры, нежели составляет элемент четкой, «аполитичной» по своей сути стратегии среды молодежной альтернативы».

И в заключение: «Вопрос о беспрограммности в случае «БруЛиона» можно, таким образом, расписать по двум стратегиям — «поэтической» и «политической». Насколько первая составляет нечто вроде эмблемы, возникающей на сцене дебатов о культуре — родной (...) среде, настолько вторая приводит к тому, что эта эмблема трактуется исключительно в

категориях инструмента, позволяющего «вломиться» в культурный дискурс, строящий политические дебаты, относящийся же к разделу и организации власти. Так сложилось, что в Польше такие дебаты часто велись на языке проблем национальной литературы, понимаемой как своего рода институт общественно-политической жизни».

Сегодня, безусловно, из этого заколдованного круга, как свидетельствуют тексты Гуторова и Орской, нам удастся вырваться к мышлению скорее о будущем, чем о прошлом, контактов с которым мы всё же не утрачиваем и оказываемся способны осуществить его переоценку. Если нет, то и в пространстве литературной дискуссии, подобно тому, как это обстоит в отношении политики, мы останемся в XIX веке.

ЛЕШЕК КОЛАКОВСКИЙ: НАБРОСОК К ПОРТРЕТУ

Сутулый, иногда опираясь на палку, иногда раскачиваясь на стуле, длинное лицо, широкий свод черепа, губы в улыбке, которую сопровождают слегка издевательские складки на щеках, и сияющие глаза. Всё лицо — в этих глазах. Голова, опираясь на полукруг ладони, склоняется ниже, еще ниже, будто отбивает такт рассуждения, и вдруг поднимается, откинута вбок и назад. Слова силой захватывают воображение, изысканные инверсии, подчас на грани пастиша, любовь к парадоксальным формулировкам, способным воздать по справедливости противоположным точкам зрения.

О чем он говорит? Он ведет экскурсию по зданию культуры. Представляет нам ту или иную фигуру, показывает сложности чужой мысли, богатство аргументов. Убедительны ли эти аргументы? Он старается ответить на этот вопрос с противоположной точки зрения. Да можно ли, однако, вообще иметь уверенность в такой материи? Можно ли в принципе перейти от одной точки зрения к другой? Если мы создадим такой вместительный язык, чтобы он охватил обе точки зрения, не растает ли в тумане сам предмет спора?

(...)

Колаковский меняется во времени. И действует во многих сферах. Философ ли он? Или историк философии? Или критик культуры? А еще же он и писатель. И не только автор драматических сочинений, сказок, философских притч. И не только переводчик классиков философии, «Духовных песен» Расина и фривольных стихов вольнодумцев XVII века. В его нелитературных произведениях стиль тоже играет существенную роль. Иногда Колаковский как будто ставит ширму. Строит дистанцию. Его язык поражает богатством, синтаксической изысканностью, архаизмами. Привлекает внимание. Будит восхищение. Всегда ли он облегчает пониманию хода рассуждений? Он бывает коварен. Это испытали на себе ученики Колаковского, которые неловко перенимали инверсии, иностранные слова, давно забытые наречия и союзы. Кто же из польских молодых эссеистов и критиков в 60-е годы не был, пусть бессознательно, заражен его манерой?

(...)

Колаковский родился в 1927 г. в Радоме, в интеллигентской семье с левыми, антиклерикальными взглядами. Когда началась война, ему было 12 лет. Мир пошел под откос. Во время оккупации мальчик не ходил ни в школу, ни на тайные занятия. Читал, занимался с частными учителями. Экстерном сдал экзамены в рамках тайного обучения. Жил в среде, близкой к подполью. Видел гитлеровский террор, уничтожение гетто, поражение Варшавского восстания. После войны, в возрасте 18 лет, вступил в ППР [Польскую рабочую партию, т.е. компартию]. Учился в Лодзинском университете, потом переехал в Варшаву. Был активным коммунистом. Писал статьи против «католического обскурантизма», боролся с философией неотомистов, с католическим социальным учением.

Он был надеждой партии. Выделялся умом, знанием языков, легкостью пера. В 1950 г. вместе с группой «янычаров» был послан на повышение квалификации в Москву. Там готовили новые кадры, которые, вернувшись, должны были заменить «буржуазную» профессуру. Пребывание в Мекке единственно верного учения оказалось важным опытом. Несмотря на продолжавшееся ослепление доктриной трудно было не заметить безграничного материального и духовного опустошения, вызванного сталинской системой. Но действовали защитные механизмы: такова неизбежная цена, деградация, через которую надо пройти на пути к светлому будущему. Шок всё-таки остался.

С 1953 г., после смерти Сталина, позиции Колаковского становились всё менее ортодоксальными. Он сам вспоминает, что примерно с 1955 г. он уже не был коммунистом ни в каком смысле слова, приемлемым для стражей доктрины. Однако по-прежнему оставался членом партии. Он считал, что изнутри ему будет легче влиять на либерализацию системы. Он говорил языком доктрины, рассчитывая, что так он будет услышан. Был интеллектуальным вождем ревизионистов. Его публицистика, печатавшаяся в период «октября 56 го», сыграла важную роль в формировании взглядов молодой интеллигенции, остававшейся в партии, но жаждавшей свобод. Он писал о роли личности, о проблеме свободы. Его первая серьезная философская книга была посвящена антиномиям свободы в системе Спинозы (Личность и бесконечность. Варшава, 1958).

Колаковский пытался разбивать схемы ортодоксальности. Искал языка, каким удастся приемлемо говорить о проблемах, официально неприемлемых. Это был интеллектуальный танец на проволоке. Здесь угрожали две опасности: язык доктрины

заслонял истину, затрагиваемая тематика подставляла под риск анафемы. Возможно, частично этим объясняется стилистическая запутанность и склонность к усложненной лексике в некоторых текстах. Статья «Карл Маркс и классическое определение истины», написанная в 1958 г., противопоставляла марксистской традиции, особенно ее примитивному варианту, закрепленному Лениным, сочинения самого Маркса, прежде всего молодого Маркса. На основе рукописей классика Колаковский стремился поставить под сомнение несколько догм доктрины. Прием ловкий, но враждебное содержание пробудило бдительность цензоров. Слова о том, что «во всей вселенной человек не может найти такого глубокого колодца, чтобы, склоняясь над ним, не открыл на дне свое собственное лицо», должно быть, вызвали у властей тревогу. Появился ни к чему не сводимый враг доктрины — живой человек.

Подобные приемы: показать сложность многих философских проблем, официально решенных доктриной, напомнить несколько основополагающих истин и показать, что они бывают взаимно противоречивыми, — придают значения статье «Cogito, исторический материализм и экспрессивное истолкование личности» (1962, перепечатана, как и предыдущая, в сборнике «Культура и фетиши», Варшава, 1967). Вернулась проблема личности, проблема моста между сознанием и миром, проблема существования другого — извечные проблемы философии. Если на дне колодца мы находим свое лицо, о чем это говорит? В самом ли деле это наше лицо? Только его ли мы там видим? Как мы можем обнаружить, что это наше лицо? Колаковский не претендует на окончательные ответы. Он обращает внимание на опасность догматических и мнимых ответов. «Нравственный солипсизм, тоталитарные утопии и буржуазный индивидуализм — вот три самые общие форсы мнимого решения немимого противоречия между утверждением личности и утверждением солидарности. Все решения, содержащие надежду на успех, отличаются тем, что не могут предлагать окончательные выходы и не верят в успешное достижение идеальных ситуаций».

Мир не совершенен, совершенных кодексов поведения не существует, а поиски их могут быть опасны. Об этом говорится в статье «Этика без кодекса», помещенной в 1962 г. в журнале «Творчество», и в ранее опубликованном там же эссе «Жрец и шут». Заглавие этого эссе было одновременно вызовом и программой. Колаковский становится на сторону шута, ставит себе задачей подвергать сомнению догмы всех учений. Это

течение его творчества назовем вольтерьянским. В него входят вышеупомянутые «Жрец и шут» и «Этика без кодекса», а также такие литературные произведения, как «Ободряющие рассказы из священной истории во поучение и предостережение» (Варшава, 1964) и «Разговоры с дьяволом» (Варшава, 1965).

У вольтерьянского Колаковского бывали неприятности от властей, когда он направлял критику на официальную идеологию, то есть с середины 1950-х эти неприятности только росли. Однако власти поглядывали на него ласково, когда он направлял критику на главного «конкурента» — католическую Церковь и ее учение. Он печатался в публикациях Товарищества атеистов, в партийном издательстве выпускал тома религиозно-философской серии. Он продолжал критиковать неомистические усилия найти в конце концов убедительное доказательство бытия Божия: веру невозможно вывести из разума. Это была одна сторона его деятельности и мышления. Но уже тогда явно очерчивалась другая.

С конца 1950-х он работал над монументальным трудом о внеконфессиональном христианстве XVII века («Религиозное сознание и церковные узы», Варшава, 1965). Его безусловно интересовали давние конфликты гетеродоксов с официальными институтами: как первые проникали в Церкви и как вторые пытались их ассимилировать — а так же как личности защищали особливость своей веры, а институты боролись за чистоту доктрины. Однако больше всего его увлекало явление мистицизма. Колаковский не только не исчерпывает тему в исторической политико-социологической аллюзийности, но и не поддается соблазну психологического редуционизма. Существует подлинное религиозное измерение. «Как религиозность, так и а-религиозность может быть ложной или подлинной». Это важная констатация, позднее многократно развитая, из статьи «Религиозные символы и гуманистическая культура» (1964, перепечатана в сборнике «Культура и фетиши»). Таково паскалевское течение в творчестве Колаковского, отлично уловимое в статье «Банальность Паскаля» начала 1960-х — о мнимой банальности, скрывающей всё еще не исчерпанные глубины.

Порядок сердца не удастся вывести прямо из разума; разум сам по себе не способен познать свои окончательные аргументы. Присутствие мифического аспекта может быть редуцировано, но это будет ампутация по произволу. Колаковский ввел в польский интеллектуальный арсенал мысль Мирчи Элиаде и Рудольфа Отто и тем самым повлиял на уровень и направление религиозной мысли. В середине 1960-х он вел в Варшавском

университете семинар, посвященный проблеме мифа. Результаты содержатся в книге «Присутствие мифа», написанной в 1966 г, но уже не вместившейся в рамки официальной ортодоксии и изданной, как столько важных польских книг последних десятилетий, в Париже, в «Институте литерацком» (1972).

Анализировать присутствие мифа, не допустить, чтобы он заслонял картину эмпирической действительности, но в то же время не позволить исключить метафизическую проблематику из поля зрения и мышления — Колаковский в маске Вольтера и Колаковский, увлеченный Паскалем, старается идти одним и тем же путем. Это течение мысли Колаковского, четко очерченное в «Присутствии мифа», назовем эразмовским. «Метафизические вопросы и убеждения открывают иную сторону человеческого бытия, нежели научные вопросы и убеждения: сторону, умышленно отнесенную к неэмпирической безусловной реальности. Присутствие этого умысла не составляет доказательства присутствия того, к чему относится. Это лишь доказательство живой в культуре потребности в том, чтобы то, к чему относится, присутствовало. Но присутствие это принципиально не может быть предметом доказательства, ибо само умение доказывать есть власть аналитического, технологически ориентированного ума и не выходит за рамки его задач». «Тогда философия может, во-первых, пробуждать “самознание” того, как возвышенны в человеческом бытии последние вопросы. Во-вторых, она может обнажать в свете этих вопросов абсурд мира относительного, признанного за самодостаточную реальность. И, в третьих, может создать самое возмозможность истолкования мира опыта как мира обусловленного. Большого сделать она не может».

В молодости Колаковский увидел, что такое извращенный миф в жизни личности и общества. Видел он это извне, наблюдая безумия гитлеровского фашизма. Видел изнутри, когда поддавался ослеплению коммунизмом. Сумел протрезветь. Сумел он и больше — часто люди, пораженные тоталитарным опытом, не умеют отыскать равновесие: либо отвергают всякий миф, выбирают абсурд и отчаяние, либо находят новый предмет поклонения. Миф бывает опасен, это так. Он бывает опасен, во-первых, своей тенденцией к экспансионизму: он может разрастаться, как злокачественная опухоль, заменять позитивное знание, право, культуру. Может также склонять к отказу от ответственности за собственное положение, возбуждать страх перед свободой. Поиски мифа бывают поисками вышестоящей опеки, которая всё устроит за

личность, подаст ей готовый всеобъемлющий рецепт жизни. Так может быть. Так не должно быть. А побег от мифа тоже может быть опасным. Проект полной демифологизации культуры — химера. Мифическое сознание, заглушенное в одной форме, возрождается в другой, иногда извращенной, обманчивой.

Не удастся бесконфликтно соединить позиции жреца и шута, опасен выбор одной из этих позиций при отрицании другой. Свобода, открытость, терпимость, но и нежелание отказываться от собственной иерархии ценностей — как соединить эти требования в цельную систему, как сохранить им верность в мире, полном шума и ярости, ложных мифов, ненависти? В момент исторического испытания недостаточно масок. Современность требует современного языка. Перед таким испытанием стоял Колаковский во второй половине 1960-х. Принятые маски оказались слишком тонкими и неопределенными. До сих пор он старался внутри деспотической системы надевать маски жреца и шута, скрывался за усмешкой Вольтера, за пылкой трезвостью Паскаля, за упрямой терпимостью Эразма. Действительность оказалась намного тривиальней. Возможности печататься всё сужались. Одновременно от него ждали, что он займет позицию в наболевших политических делах. Ждало общество, задущенное навязанной системой, лишенное голоса идеологической монополией, лишенное прежних прав, разделенное и растерянное, но тем не менее существующее, ищущее новых форм выживания и сопротивления.

В октябре 1966 г. по приглашению студентов истфака Варшавского университета Колаковский выступил с речью к десятой годовщине свободолюбивого порыва — октября 56 го. Что осталось от надежды? Итог — отрицательный. После этого выступления он был исключен из партии. Наступил 1968 год, варшавское собрание Союза писателей в защиту интеллектуальных свобод и национальных традиций. Колаковский говорил о разрушительной роли цензуры: в системе тотального контроля всё становится аллюзией на советскую систему — «Антигона» и «Гамлет», Сервантес и Мицкевич. Студенты поддерживали писателей. Ответом была атака полиции и пропаганды. Партийные власти декретировали культурную революцию, соединявшую марксизм-ленинизм и «антисионизм» (завуалированное название официального антисемитизма). Колаковский был уволен из университета. Янычары мартовской революции выступали против него с обширными статьями в партийной газете. Осенью 1968 г. он выехал читать лекции на Запад. В

декабре 1970 г. на Балтийском побережье рабочие выступили с протестом против безнадежных условий жизни. Коммунистическая власть в ответ открыла огонь. Пали погибшие.

Колаковский откликнулся на это в английской печати. А в июне 1971 г. он опубликовал в парижской «Культуре» «Тезисы о надежде и безнадежности». Это было выступлением в дискуссии, принципиальной для судеб Польши, важной для всей Европы и всего мира, в дискуссии о путях выхода из тоталитарной формы советского правления. Мы не знаем успешного рецепта освобождения от советизма. Не знаем примера страны, которая стала бы коммунистической, а потом вернулась в европейскую семью, вернулась к нормальным заботам, конфликтам, надеждам. В странах победившего марксизма-ленинизма захвачена не только политическая, но и идеологическая власть, и политикой становится всё. Гражданское общество разрушено. Автономия личности перечеркнута. Человек подчинен идеологическому государству, строящему «новый порядок». Однако новый порядок остается фикцией, он кормится задушенным, но тлеющим гражданским обществом.

Коммунистическая власть тоталитарна, общество остается задушенным, но объем порабощения может быть разным. В какой-то степени гражданское общество существует, пока существуют живые люди; этим людям не безразлично, где они живут — в Камбодже, Советском Союзе или Польше. Не безразлично, живут ли они в Польше 1953 года, когда сталинизм, казалось, торжествовал и захватывал всё более широкие сферы существования, или в 1956 году, когда он, казалось, отступал. Но зависят ли эти перемены от поведения личностей? Реформируема ли коммунистическая система? Этому вопросу посвящены «Тезисы о надежде и безнадежности». Подвергается ли государственный и общественный строй переменам? Да, это очевидно. Но зависят ли эти перемены от поведения общества, можно ли на них влиять в желательном направлении, или же нас уносят механизмы, на которые общество не имеет влияния, которым пассивно подчиняется?

Колаковский приводит доводы за и против. Что говорит против тезиса о возможности возрождения общественных прав и свобод? Прежде всего монополия власти, политическая и экономическая. Правящий класс — единственный работодатель, ему обеспечен контроль, сам же он контролю не подлежит. Все попытки реформ в любой момент могут быть

отменены — и отменяются, как только угрожают нарушением политической монополии. Отсюда — экономическая и культурная деградация, скудость информации, повторяющиеся акты агрессии, уничтожение общественных групп, которые могли бы оказаться потенциальными конкурентами. Если бы даже власть предержащие хотели пойти на некоторые уступки обществу, они не могут это сделать, так как расширение свободы повлекло бы расширение требований, а это грозило бы социальным взрывом.

Вот какие аргументы чаще всего выдвигаются в пользу тезиса о том, что коммунистическое порабощение не может быть ни ликвидировано частично, ни смягчено постепенными реформами. Колаковский выступает против этого тезиса. «Жесткость системы частично зависит от того, до какой степени живущие в ее рамках люди убеждены в ее жесткости». «Социалистический бюрократический деспотизм впутан во внутренне противоречивые тенденции, которых он не в состоянии довести ни до какого синтеза и которые неизбежно ослабляют его цельность, при этом стремятся к росту, а не к уменьшению». Аргументы против реформируемости советизма верны, но частичны. Внутри тоталитарной системы всё-таки существуют конфликтные устремления. Эти конфликты не могут быть институционализированы, так как это подрывало бы элементарный принцип однопартийности, монополии власти. С одной стороны, есть стремление к единству, т.е. ликвидация конкурентов, которая нашла свое самое яркое воплощение в сталинских чистках, а с другой — стремление к безопасности, стабильности власти. Потребность легитимизировать систему марксизмом-ленинизмом и одновременно потребность менять идеологию, которая стала сковывающим движения горбом. Экономическая бездарность коммунизма и одновременно мечты о военном господстве над всем миром.

В «Тезисах о надежде и безнадежности» Колаковский со всею силой выступил против деспотического социализма. Он выбирает демократический социализм. Но что это должно бы означать? Одобрение демократии и правозаконности, соблюдение личных свобод. Во-первых, не только социалисты защищают эти ценности. Во-вторых, можно ли и в какой степени согласовать эти ценности с выдвигаемым социалистами общественным контролем экономики? Какие существуют связи между социализмом и марксизмом, между марксизмом и советизмом? Эти вопросы возбуждают необычайные эмоции, вокруг нихросло море недоразумений, напечатаны горы бумаги. Как дискутировать,

когда основные понятия постоянно понимаются по-разному? Надо было бы анализировать историю марксизма, проследить изменчивость понятий и позиций. Для объективного и в то же время убедительного анализа потребовалось бы соединить представление и истолкование, постоянно искать равновесия между позициями следователя и адвоката. Притом по отношению к материалу ужасающих размеров и не всегда, мягко говоря, интеллектуально увлекательному.

Колаковский взял на себя эту головоломную задачу и образцово решил ее в трех толстых томах «Главных течений марксизма» (Париж: Институт литературы, 1976–1978). Чем больше восхищаться: справедливостью взгляда, умением создавать синтез, точностью анализа или объемом эрудиции? Стоит ли воздавать справедливость не только создателю доктрины, но и его самым безумным ученикам? Стоит. Ради продолжения европейской традиции духовной свободы и серьезности нужны «стражники мер», способные оценить былые духовные достижения, какими бы они ни казались нам далекими, опасными или бесплодными. Я благодарен, что кто-то за меня и для меня выполнил эту работу.

Самое краткое резюме «Главных течений» содержится в подзаголовке: «Возникновение — развитие — распад». «Почти все пророчества как Маркса, так и позднейших марксистов оказались ложными, это, однако, не нарушает состояния духовной уверенности, в котором живут приверженцы, точно так же, как приверженцы чайний, известных из хилиастических религиозных движений, ибо эта уверенность не опирается ни на какие эмпирические посылки, ни на какие предполагаемые “законы истории”, но только на психологическую потребность в уверенности. В том же смысле марксизм выполняет существенные религиозные функции и успешность его носит религиозный характер, однако это религия карикатурная и опирающаяся на недобрую веру, так как свою брэнную эсхатологию она пытается представить научным достижением, чего религиозные мифологии не делают. (...) Было бы абсурдом утверждать, что марксизм как движущая причина, так сказать, произвел сегодняшний коммунизм. Однако, с другой стороны, коммунистическая доктрина — отнюдь не какое-то «извращение» марксизма, но одно из его возможных истолкований, и даже истолкование хорошо построенное, хотя упрощенное и обрезанное» (III, 524).

(...)

Если философия состоит в том, чтобы давать четкие и недвусмысленные ответы, строить замкнутые системы, то

Колаковский — не философ, а историк и критик философии; если же она состоит в том, чтобы повторять извечные вопросы, уточнять их, очищать язык и зрение, тогда он философ — без системы, без замкнутой философии. Философ — как тот, кто всему удивляется (подрывает любую догму), и как тот, кто ничему не удивляется (внимательно присматривается к любому ответу). Усложняет себе игру, показывает шаткость собственного выбора, напоминает об аргументах в пользу противоположного тезиса. По-над догматизмом и скептицизмом он постоянно поднимается по ступенькам культуры, в шаге от пропасти, всё выше, всё снова, чтобы обрести и укрепить право пользоваться элементарными понятиями: суверенность, осмысленность, вера. Такими усилиями обновляется европейская традиция. Эти усилия удалось проявить некоторым мыслителям и художникам. Упрочивая их, они упрочивают нашу свободу.

1983

Статья вошла в сборник Войцеха Карпинского «Герб изгнания» (Варшава: Зешиты литерацке, 2012).

БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

Не у всех есть время долго учить философию и политические науки. Почему бы не облегчить людям жизнь с помощью этой Большой Энциклопедии? Следует указать, что, как в каждой энциклопедии, статьи расположены в алфавитном порядке. Но это не старомодный смешной алфавит, а современный, деконструктивистский. Его достоинства каждый легко увидит.

Либерализм — чтобы каждый занимался своими делами, а не чужими, и будет хорошо.

Социализм — что если правительство всё у всех отберет, то каждый будет безмерно счастлив, а народ будет править.

Консерватизм — что так хорошо, как при императоре Франце-Иосифе, уже никогда потом не было.

Национализм — что мы самые лучшие и самые благородные, все об этом знают и поэтому хотят нас уничтожить.

Гегель — что Бог полностью растворился в мире, ибо должен был.

Спиноза — что ничего нет, кроме Бога.

Материализм — что всё более-менее такое, как стул и кирпич.

Порочный круг — см. *circulus vitiosus*.

Circulus vitiosus — см. порочный круг.

Лейбниц — что лучше, чем есть, быть не может, ибо уж Господь-то знает, что делает.

Аристотель — что лучше держись середины, а то пропадешь.

Витгенштейн (ранний) — что лучше столько не болтать, особенно о философии.

Витгенштейн (поздний) — что можно что угодно болтать, только сначала придумать какие-то правила.

Постмодернизм — что всё можно.

Деконструктивизм — что, что бы ни говорилось, все равно это ничего не значит.

Постструктурализм — не знаю, что это.

Скептицизм — что ничего не известно.

Августин, блаженный — что, скорее всего, попадешь в ад, а если всё же на небо, то только потому, что Господу Богу так захотелось.

Фрейд — что с самого рождения все люди хотят только совокупляться и больше ничего их не интересует, но сами себе они в этом не признаются.

Паскаль — надо признаться, что ты мерзавец и глупец, тогда, возможно, будешь спасен (или нет).

Стоики — что хорошо так, как есть.

Демократия — чтобы каждый считал, что правит, но все время жаловался, что мало правит.

Декарт — что есть Бог, очевидно, но его в мире не видно; он так же очевидно дал нам разум, так что мы знаем, что правда, а что неправда.

Руссо — что всё время всё хуже и хуже... и то ли еще будет.

Маркс — что бога нет, а есть люди, что все постоянно сражаются за свои деньги, но через несколько лет всем станет очень, ну прямо очень весело, потому что денег не будет вообще, а всё будет по карточкам.

Страусс — что должно быть, как в добрые старые времена: образованные должны править, а хамы слушать и не рассуждать.

Историзм — что сегодня правда это, а завтра уже другое.

Гоббс — что сильнее и больше, то побеждает, и вообще кулак правит.

Платон — что нет ничего красивее, чем красота, ничего смешнее, чем смешное, ничего глупее, чем глупость и т.д.

Томизм — что мир прекрасно устроен и все на своем месте.

Поппер — что можно все объяснить так или иначе, но как на самом деле, собственно, неизвестно.

Экзистенциализм — что и ты можешь быть трагической фигурой.

Позитивизм — чтобы не тратить времени на глупые вопросы, типа почему что-то такое, а не другое, или что такое хорошо и что такое плохо.

Метафизика — о том, что что-то есть или нет.

Физика — см. метафизика (только отними «мета»).

Феноменология — что надо смотреть, как вещи выглядят, а есть ли они на самом деле или их нету, об этом уже не заботиться.

Хайдеггер — что неизвестно, откуда ты взялся, но ты должен быть крутым и не слушать, что болтают другие.

Гуссерль — что если всмотришься в себя, то как раз и увидишь всю правду.

Марксизм-ленинизм научный — что правительству, но только коммунистическому, надо не только подчиняться, но еще и безмерно его любить.

Кант (теоретическая философия) — что есть такой вот Разум, и у нас от него есть кусочек, и мы из этого лепим мир, а каков этот мир на самом деле — неизвестно.

Кант (практическая философия) — что если что-то делаешь, то не должен при этом испытывать никаких чувств и вообще не думать, что из этого получится, а думать только о том, как бы было хорошо, если бы все делали то же самое.

Бергсон — что ничего нет, но всё изменяется, даже Господь Бог.

Богословие — наука о богословии, а особенно о том, что богословие очень мудро.

Дух — такое мудрое, что правит миром.

Беркли — что видишь, то есть, а чего не видишь, того нет.

Ницше — что всё со всем сражается, и так всегда будет, а смысла в этом никакого нет.

Релятивизм — что может быть так, а может быть сяк.

Утилитаризм — что когда сделаешь себе что-то приятное, например вкусно пообедаешь, то совершишь морально похвальный поступок, поскольку увеличишь глобальную массу счастья на земле.

Футурология — очень научная наука о том, чего абсолютно нет и никогда не может быть, а именно о будущем.

Юм — что видишь, то видишь, а что думаешь, того никогда не докажешь.

Социальная справедливость — что у тебя в наличии дефицит наличных.

Фалес — что вода.

1992

Перевод Сергея Политыко